

Новицкий Д. Г.¹

"МОИ ВОСПОМИНАНИЯ"

¹ **Новицкий** Донат Гильярдович, родился в 1893 в Москве. Учился в Петрозаводском и Санкт-Петербургском университетах, с 1916 — учился в Петроградской духовной семинарии, затем перешел к баптистам. Женился на польке Анатолии Боуффал. С 1916 по 1917 — служил офицером в царской армии, до 1921 — оставался на военной службе. После демобилизации служил в Москве. Приезжал и жил в Петрограде. В 1922 — перешел к русским католикам, вошел в Абрикосовскую общину. 16 ноября 1923 — арестован и привлечен к следствию по групповому делу русских католиков. 19 мая 1924 — приговорен к 10 годам тюремного заключения и 13 июня отправлен в Орловскую тюрьму, в сентябре 1925 — вывезен в Соловецкий лагерь особого назначения. 5 сентября 1928 — епископом Болеславом Слосканом тайно рукоположен в священники восточного обряда. В 1929 — переведен на остер Анзер. 5 июля 1932 — арестован по групповому делу католического духовенства. 9 июля 1932 — следствие ходатайствовало о необходимости его *«содержания под стражей»*. 22 июля 1932 — вывезен с Соловков в Ленинградскую тюрьму как один из *«вожаков, которые слишком смело и дерзко руководили группой ксендзов»*. 23 августа 1932 — приговорен к заключению в Ярославский политизолятор. 15 сентября 1932 — из тюрьмы освобожден и выехал по обмену в Польшу. С 1932 — служил в греко-католическом приходе в Торокане под Дрогочиным, в 1939 — переехал в Зеленку под Варшавой, служил капелланом женской монашеской общины. Одновременно участвовал конспиративной антифашистской деятельности. С 1948 — проживал в Свидаере, затем в с. Новая Весь, позднее — в с. Изабелин под Варшавой. Был активным участником экуменистического движения. В послевоенное время преподавал русскую культуру в духовной семинарии паллотингов в Олтажеве под Варшавой, был также референтом-экспертом по вопросам Восточных Церквей, России и экуменизма при примасе Польши, кардинале Стефане Вышинском. 17 августа 1971 — скончался в селе Изабелин под Варшавой.

Глава I

Преследование русских католиков началось, как мне кажется с 1922 года, когда арестованы были отец Владимир Абрикосов² и отец Димитрий Кузьмин-Караваев³. После их высылки за границу началась более тяжелая, напряженная полоса в жизни московского прихода восточных католиков, членом которого состоял я. Многие осознали, что высылка отца Владимира, священника, который усерднейшим образом занимался формацией членов своего прихода, означает, что приход становится на новые рельсы своего будущего, и что возможны в нашей семье большие потрясения, испытания.

Достойный преемник отца Владимира — отец Петр, Николай Александров⁴ — продолжал работать в том же направлении, что и отец Владимир. Большую роль в жизни прихода играла доминиканская община сестер. По указанию отца настоятеля, некоторые из сестер вели регулярный беседы и чтения с отдельными прихожанами по общим вопросам аскетики и на темы духовной жизни личного характера. Сестры и некоторые члены прихода занимались работой по привлечению в приход православных и протестантов. ГПУ вело усиленное наблюдение за общим ходом работы и за работой отдельных членов прихода, уделяя, как это делается ГПУ, очень много внимания даже на мелочи в нашей жизни.

Для целей наблюдения, вернее подслушивания, над квартирой, где помещается часовня, кабинет и исповедадьня настоятеля, кабинет игуменьи доминиканской общины и помещение сестер — были установлены особые аппараты, для прослушивания потолков и стен квартиры. Особенное наблюдение велось за матушкой Анной Ивановной Абрикосовой⁵, которая играла в жизни прихода огромную роль. ГПУ обратило внимание на ее деловые разговоры со многими прихожанами, на переписку с отцом Владимиром и вообще с заграницей, на ее отношение к Папской миссии помощи голодающим и, в особенности, к монсеньору Уольшу⁶.

12 ноября 1923 года были произведены первые аресты. Была арестована А. И. Абрикосова, много сестер и прихожан. Отца Александра

² **Абрикосов** Владимир Владимирович, родился в 1880 в Москве. Окончил университет. Женат на А.И. Абрикосовой; в 1909 — принял католичество, в 1913 — вступил в новициат терциариев-доминиканцев. 31 мая 1917 — рукоположен, с 5 апреля 1918 — настоятель прихода русских католиков и духовник монашеской общины. 17 августа 1922 — арестован, приговорен к ВМН с заменой на бессрочную высылку, и 29 сентября выехал за границу.

³ **Кузьмин-Караваев** Димитрий, родился в 1885 в Петербурге. Окончил университет. Служил по землеустройству, в 1914 — на фронте. В марте 1917 — губернатор в Минске. В мае 1920 — принял католичество, был в общине русских католиков. 17 августа 1922 — арестован, приговорен к ВМН с заменой на высылку; в сентябре выехал за границу.

⁴ **Александров** Николай (Петр) Николаевич, родился в 1884 году в Москве. Окончил Московское техническое училище, с 1912 — работал инженером в фирме Сименс-Шуккерт в Германии, там же принял католичество. Летом 1913 — вернулся в Москву, работал в городской управе, с 1917 — инженером в Главтопе. Вступил в общину русских католиков, пострижен в монашество с именем Петр. В августе 1921 — рукоположен, с сентября 1922 — возглавил приход русских католиков. 12 ноября 1923 — арестован, 19 мая 1924 — приговорен к 10 годам ИТЛ и отправлен в Соловецкий лагерь.

⁵ **Абрикосова** Анна Ивановна, родилась в 1882 в Москве. В 1903 — окончила колледж Кембриджского университета, вернулась в Россию. Вышла замуж за В.В. Абрикосова, выехала с ним за границу. В 1908 — перешла в католичество, в 1910 — вернулась в Москву, в 1913 — принята в новициат доминиканского ордена; создала и стала игуменьей доминиканской общины. 12 ноября 1923 — арестована по делу русских католиков. 19 мая 1924 — приговорена к 10 годам заключения и отправлена в Тобольский изолятор.

⁶ Католический священнослужитель из США.

арестовали на другой день. 16 ноября 1923 арестовали Владимира Васильевича Балашова⁷ и меня. Все обвинения против нас сводились к тому, что мы поддерживали связь с международной буржуазией, которая по указаниям и под руководством Св. Престола, ведет кампанию против Советской Власти и мечтает о вооруженном нападении на Союз. Не всем и не всегда говорилось это в форме прямого обвинения, и не всем и не всегда говорилось именно так, и не всегда протоколировалось. Со мной на эту тему разговор возник уже после окончания следствия, перед заседанием коллегии ГПУ, то есть перед заочным решением по нашему делу. Один из помощников следователей церковного дела отдела Гутцайт вызвал меня недели за две до вынесения приговора и прочел обвинение: "Обвиняется по статьям 61, 66, как активный член нелегальной антисоветской организации".

— Скажите, гражданин уполномоченный, — спросил я, — что это за нелегальная организация, к которой я принадлежал. Как она называется?

— Мы знаем, мы знаем, — сказал мне Гутцайт.

— Но, ведь, я не знаю, что это за нелегальная организация. Скажите мне, как она называется.

— Мы знаем, мы знаем.

— Не спорю о том, знаете ли вы или не знаете. Но поймите меня: вы обвиняете меня в принадлежности организации, называете ее нелегальной, а я не знаю, что это за организация. Назовите мне ее.

— А ваш Папа? Что делает ваш Папа? Знаете ли, что делает ваш Папа!

— Ах, вот что, — сказал я с улыбкой, — виноват Папа, а садите вы меня.

— Вы не знаете, что сказал Папа недавно на консистории? Не знаете, что говорил он о советской власти?

— Гражданин уполномоченный, теперь я понимаю, в чем моя вина!

Следователь был доволен оборотом разговора и попросил меня расписаться в прочтении обвинения. Из существенных обвинений против русских католиков, в особенности против А. И. Абрикосовой, можно отметить следующие:

1. Нелегальная переписка с границей через иностранное посольство.
2. Связь с Папской миссией помощи голодающим и получение от нее материальных средств.
3. Содержание нелегальной школы для русских католиков.
4. Нелегальная доминиканская община.

По этому делу в марте 1924 года были произведены дополнительные аресты русских католиков.

Никакого хоть сколько-нибудь серьезного и вообще существенного материала против нас, в особенности против подавляющего большинства, ГПУ не могло выдвинуть. Меня лично ни в чем не обвиняли и только записали в протокол следствия, что один или два раза я написал письмо за границу к отцу Владимиру Абрикосову, в которых писал о своей духовной жизни и работе, что, во-вторых, я делал вырезки из советских газет на темы политические и давал их А. И. Абрикосовой, что, в-третьих, знал, что А.И. Абрикосова посылает их к мужу, но не видел в этом ничего преступного, так

⁷ **Балашов** Владимир Васильевич, родился в 1880 в Шадринске Пермской губ. В 1909 — окончил Технологический институт, работал инженером в Комитете по техническим делам в Петербурге. В 1909 — перешел в католичество, с 1913 — редактор журнала "Слово Истины". В 1918 — вошел в общину русских католиков; вступил в доминиканский орден. 16 ноября 1923 — арестован по делу русских католиков. 19 мая 1924 — приговорен к 10 годам заключения и отправлен в Соловецкий лагерь.

как вырезки эти были из официальных газет и в них не было секретного материала.

Некоторым из русских католиков говорилось прямее о характере наших "преступлений" и, как условие освобождения предлагалось, например, перейти в западный обряд. Все мы прекрасно знали, что наша вина перед советской властью состоит в том, что мы сочувствуем соединению православных с Католической Церковью и в той или иной степени принимали участие в этой работе.

Перед нашим арестом ГПУ постаралось устроить в московском приходе трех своих агентов, которые довольно ловко играли роль усердных католиков. "Перешли" они в католичество перед св. Пасхой 1923 года. Но интересно, что накануне (или днем позже, не помню) "перешли" они из католичества в православие, таким образом, одновременно подвизались на двух фронтах. Они устроили ряд провокаций, как католики (!) жаловались в ГПУ на настоятеля, на А. И. Абрикосову и сестру-доминиканку А. В. Селенкову⁸. Следственный период тянулся шесть месяцев. В течение четырех месяцев большая часть заключенных русских католиков содержалась в центральной тюрьме ГПУ (Москва, Лубянка, 2, внутренняя тюрьма). На прогулку никого не пускали. Казначейя прихода Т. А. С.⁹, которая содержалась в одиночке, разными приемами старались довести до сумасшествия. Т. А. Сапожникова перенесла невыразимые муки, и сама говорила мне, что была на границе умопомешательства.

Заседание Коллегии ГПУ по нашему делу состоялось 9 мая 1924 года. Часть обвиняемых была осуждена на 10, 8, 5 лет тюремного заключения, часть — на ссылку в отдаленные края Сибири. Я получил 10 лет тюремного заключения со строгой изоляцией и 13 июня был отправлен отбывать наказание в Орловский Изолятор.

Прошло 6-7 лет. 15 ноября 1931 года ГПУ арестовало в Москве почти всех оставшихся на свободе русских католиков во главе с отцом Сергием Соловьевым¹⁰. Последнего обвинили в следующем:

1. Связь с преосвященным Пиём Неве¹¹, иностранным подданным, и получение от него средств для оказания помощи русским католикам и их семьям.

2. Нелегальный перевод православных в католичество (нелегальный потому, что отец Сергей не был зарегистрирован перед властями, как настоятель прихода, по малочисленности прихожан).

⁸ **Селенкова** Анастасия Васильевна, родилась в 1893 в Тверской губ. Окончила Московский университет, работала там сотрудником. Перешла в католичество, вступила в общину сестер-доминиканок, пострижена в монахини с именем Екатерина Риччи. 14 ноября 1923 — арестована. 19 мая 1924 — приговорена к 10 годам заключения и отправлена в Орловскую тюрьму, с июля 1930 — в Ярославский политизолятор.

⁹ **Сапожникова** Тамара Аркадьевна, родилась в 1886 в Подольске. Получила среднее образование. Приняла католичество, позднее вступила в доминиканский орден. Входила в общину русских католиков в Москве. 26 ноября 1923 — арестована по делу русских католиков, 19 мая 1924 — приговорена к 10 годам ИТЛ и отправлена в Соловецкий лагерь.

¹⁰ **Соловьев** Сергей Михайлович, родился в 1885 в Москве. Окончил университет, с 1916 — литератор, научный работник, реподаватель. Учился в духовной академии, в 1916 — рукоположен, служил в Саратовской области. В 1923 — перешел в католичество, проводил богослужения тайно на квартирах. 15 февраля 1931 — арестован по делу русских католиков. 18 августа приговорен к 10 годам ИТЛ с заменой на ссылку в Казахстан.

¹¹ Епископ Пий Неве, Апостольский администратор и глава Католической Церкви в СССР.

3. Нелегальное выполнение функций настоятеля прихода: служение обедни в частных квартирах, исповедь, крещение (например, трех взрослых евреев).

Благодаря "культурной" церковной политике ГПУ он был поставлен перед дилеммой или идти навстречу просьбам католиков и православных и исполнять пасторские функции, или отказывать верным и интересующимся православным в их просьбах.

Кроме отца Сергия Соловьева, было арестовано восемь женщин с высшим образованием, активных практикующих католичек восточного обряда. Обвинения против них сводились к тому, что они поддерживали связь с епископом Пиетом Неве, получили от него средства для помощи заключенным, а Валентину Сапожникову¹² практически обвинили только в том, что она, будучи верующей, преподавала в советских и даже коммунистических заведениях. Наконец, был арестован вместе с группой и осужден на 10 лет концентрационного лагеря священник Александр Павлович Васильев¹³, настоятель одного из больших московских храмов (свят. Никиты Мученика в Замоскворечье). Он тайным образом был принят епископом Пиетом Неве в католичество. О его переходе не знали ни русские католики, ни его прихожане. ГПУ открыло это. Как условие освобождения предлагалось отцу Александру Васильеву вернуться в православие. Он не принял этого предложения.

Следственный период тянулся 7 месяцев. На втором или третьем месяце, как рассказывает моя жена Анатолия Ивановна Новицкая¹⁴, один из осужденных по этому делу, отец Сергей Соловьев лишился рассудка и до сих пор находится в психиатрической лечебнице ГПУ (под Москвой). В таком состоянии он получил приговор — 10 лет высылки в Казахстан (Средняя Азия).

Одной из причин болезни отца Сергия стало сильное душевное переживание, когда на допросах он понял, что один из любимых им ценных прихожан оказался тайным сотрудником ГПУ. Другой причиной послужили условия тюремного режима, которым так славилась Внутренняя тюрьма ГПУ: одиночка, постоянный электрический свет, ночные допросы и специальные "культурные" воздействия на психику (гробовая тишина, мраморные лица часовых, специальные разговоры перед дверью камеры)

ГПУ соглашается освободить отца Соловьева "под поручительство впредь до выздоровления". О**бщест**во литераторов дало такое поручительство, но некому взять его под свою опеку, во-первых, из-за недостатка средств, а главное, из-за страха, так как известно, что ГПУ особенно ненавидит русских католиков.

¹² **Сапожникова** Валентина Аркадьевна, родилась в 1887 в Подольске. Окончила два факультета в Московском университете. Проживала в Москве, преподавала в институте. В 1912 — перешла в католичество, вступила в доминиканский орден и в общину русских католиков, посещала тайные богослужения на квартирах. 15 февраля 1931 — арестована по делу русских католиков, 18 августа приговорена к 5 годам ИТЛ и отправлена в Сиблаг.

¹³ **Васильев** Александр Павлович, родился в 1894 в Екатеринославе. Окончил духовную академию, 1 октября 1927 — рукоположен, служил в церкви под Москвой. 25 декабря 1928 — тайно перешел в католичество. 15 февраля 1931 — арестован по делу русских католиков. 18 августа приговорен к 10 годам ИТЛ и отправлен в Белбалтлаг.

¹⁴ **Новицкая** Анатолия Ивановна, родилась в 1891 в Белоруссии. Получила высшее образование. Проживала в Петрограде, служащая в конторе. В 1922 — приняла католичество, была в общине русских католиков. В 1926 — вступила в доминиканский орден. 15 февраля 1931 — арестована. 18 августа приговорена к 3 годам ИТЛ и отправлена в Котласлаг.

В будущем можно отметить характер допросов некоторых осужденных по этому делу, укажу только на один случай грубого действия на психику. На допросе сестры-доминиканки Гиацинты Золкиной¹⁵ присутствовало десять молодых учеников школы следователей ГПУ под руководством главного следователя, которые и принимали деятельное участие в ходе допроса, издевались над религией и добивались от сестры ответа на вопрос, как она, молодая особа, может жить без мужчины, и как "спала она с епископом Неве". После этого вопроса с нею, вполне здоровым человеком, случился тяжелый истерический припадок. Повторился самый обычный и подлый прием сотрудников ГПУ — угрозами избиений заключенного и воздействием на его психику — организовать гнусную провокацию против серьезных и всеми уважаемых священников.

Последний (известный мне) раз восточные русские католики арестованы были вместе с группой духовенства западного и армянского обряда, это имело место 5, 6, 7 июля текущего года на Анзере, одном из Соловецких островов, на которые католическое духовенство было выслано 2 июня 1929 года. Все католические священники, живущие на командировке Троицкой острова Анзер, были объединены в братскую коммуну, имели общую кассу денежных средств и продуктов и составляли единый духовный организм. Допустив создание такой "коммуны ксендзов", которая другими заключенными, верующими и неверующими, считалась образцовой, ГПУ конечно, преследовало в этом свои цели. В течение трех лет мы были окружены секретными сотрудниками (в последнее время поляками-католиками), но всегда и скоро расшифровывали их и противодействовали возможным провокациям. Это раздражало сотрудников ГПУ, но в конце концов стало понятно, что добиться осуществления главных своих целей им не удастся, что коммуна была и останется сильной организацией, и что никакие попытки ослабить, разложить и скомпрометировать ее не увенчаются успехом. Но одной из своих целей они достигли, — имея возможность спокойного наблюдения поведения каждого из нас в домашней обстановке, а также создания отдельных групп внутри коммуны, — можно было понять то, что объединяло и разъединяло нас, выявить наши слабости, определить, кто для них с их точки зрения является непримиримым врагом, а кто, по их мнению, может пойти на те или иные уступки. Это последнее особенно важно теперь для ГПУ, так как есть тенденция выпустить часть духовенства на свободу, вернуть на приходы, но по возможности этих освобождаемых священников разными стеснениями заставить принудительно подписать определенные обязательства.

5 июля 1932 года началась ликвидация нашей коммуны. Одной из причин к тому были неудачи в работе секретных сотрудников на командировке Троицкой: некоторые из них жаловались на трудности в работе, утверждали, что ксендзы знают о их роли и иногда подчеркивают это. Наконец, как мне думается, большое раздражение вызвало обращение в католичество одного из таких агентов, и его отказ от прежней роли, что одновременно стало и главной причиной. Это был православный священник отец Иоанн Гокалинский; он подробно рассказал мне о том, как стал

¹⁵ **Золкина** Анна Ивановна, родилась в 1901. В начале 1920-х — студентка университета в Москве. Перешла в католичество, в 1923 — пострижена в монахини с именем Гиацинта. 13 ноября 1923 — арестована по делу русских католиков. 18 мая 1924 — приговорена к 3 годам ссылки; освобождена для ухода за больной монахиней. 6 февраля 1931 — арестована по групповому делу, 18 августа приговорена к 3 годам ИТЛ и отправлена в Сиблаг.

секретным сотрудником (по принуждению), какие разговоры происходили между ним и сотрудниками ГПУ, интересовавшихся разными сторонами нашей жизни. После продолжительного знакомства с нами, долгих и откровенных разговоров он был принят в католичество отцом каноником Матулянисом¹⁶ в присутствии могилевского администратора, отца Витольда Пашкевича¹⁷, и моем. В три приема были арестованы на Троицкой все тридцать два священника; в их числе отец Потапий Емельянов¹⁸ и я. На Центральном Соловецком острове арестована была мирянка Т. А. Синельникова¹⁹. Все арестованные были перевезены с острова Анзера на центральный Соловецкий остров и посажены в тюрьмы-изоляторы. Всем предъявлено обвинение по статье 58 пункты 11 и 10: "принадлежность к антисоветской группировке и антисоветская агитация" на территории концлагеря. В разговорах и допросах следователи, не имея против нас никакого фактического материала, выдвинули ряд догадок (например, нелегальная переписка с материком и вообще с границей; оригинальные обвинения, например, наша коммуна была монастырем, так как была общая молитва и реколлекция²⁰, нелегальное и упорное совершение св. обедни, для чего мы прибегали к нелегальным способам получения вина и облаток, в чем помогали некоторые следователи ГПУ.

Действительно, начиная с июня 1926 года мы почти ежедневно (с весьма малыми опущениями) совершали святые литургии. До 19 января 1929 года это делалось легально, а после — нелегально. Легально служили мы св. обедню в старой монастырской часовне, расположенной в лесу на берегу Белого моря, в двух с половиной километрах от Соловецкого Кремля, в котором мы жили. Невзирая на дурную холодную погоду, на глубокие снежные заносы, на продолжительную северную ночь и на разные затруднения отец Николай Александров, восточные сестры-доминиканки и двое восточных католиков-мужчин ежедневно посещали часовню. В конце 1926 года в этой часовне начали совершать обедню приехавшие на Соловки священники латинского обряда. В воскресенье совершалась торжественная литургия с пением и проповедью, причем, в одно воскресенье — в латинском обряде, в другое — в греко-славянском. Посещала часовню и группа

¹⁶ **Матулянис** Теофилис Юрьевич, родился в 1873 в Литве. Окончил духовную семинарию, 4 марта 1900 — рукоположен. Викарий в разных приходах Литвы, с июня 1910 — прихода в Петербурге. В марте 1923 — арестован, 26 марта приговорен к 3 годам и заключен в тюрьму. В январе 1926 — освобожден, продолжил служение. 9 февраля 1929 — тайно хиротонисан во епископы. 24 ноября 1929 — арестован по групповому делу. 13 сентября 1930 — приговорен к 10 годам ИТЛ и отправлен в Соловецкий лагерь.

¹⁷ **Пашкевич** Витольд Иосифович, родился в 1882 под Санкт-Петербургом. Окончил духовную семинарию, в 1906 — рукоположен. С 1908 — викарий, с 1909 — администратор прихода в Полоцком уезде, с 1922 — генеральный викарий Минской епархии, с 1927 — служил в Могилеве. Осенью 1929 — арестован, 13 мая 1930 — приговорен к 5 годам ИТЛ. 28 июля срок приговора увеличен до 10 лет, в июле 1931 — отправлен в Соловецкий лагерь.

¹⁸ **Емельянов** Петр Андреевич, родился в 1884 в Уфимской губ. До 1908 — послушник Почаевской лавры, пострижен в монахи с именем Потапий. Окончил пастырские курсы, в 1911 — рукоположен, с 1914 — служил в монастыре, с марта 1917 — в приходе села Нижняя Богдановка под Луганском. 29 июня 1918 — перешел в католичество вместе с приходом. 27 января 1927 — арестован, 12 сентября приговорен к 10 годам ИТЛ и отправлен в Соловецкий лагерь.

¹⁹ **Синельникова** Т.А. Проживала в Ленинграде, прихожанка храма. В 1929 — арестована, приговорена к 3 (?) годам ИТЛ и отправлена в Соловецкий лагерь.

²⁰ Реколлекции — духовные упражнения в Католической Церкви: молитвы, размышления над библейскими чтениями, медитации.

латинских католиков-мирян, но разрешали это весьма ограниченному количеству лиц.

5 февраля 1928 года наша часовня была закрыта, спустя два месяца после моего посвящения в священники. Преосвященный Болеслав Слоскан²¹ и я отправились в качестве делегатов от католического духовенства к начальнику Соловецкого лагеря и просили открыть часовню. Этому он не разрешил, но сказал, что мы можем совершать богослужения в Кремле в наших комнатах, где не было никого посторонних. До 19 января 1929 года мы так и поступали. А в этот день власти сделали тщательный обыск в наших комнатах и забрали от нас все религиозные книги и церковную утварь. Все-таки нам удалось сохранить много книг и предметов, нужных для служения обеден, и только благодаря чрезвычайной милости Божией и Его специальной помощи мы совершали святую литургию до последней возможности, до наших арестов 5-6 июля сего года (1932). Пропуски в совершении св. обедни были крайне редки. Это бывало в случае недостатка вина или в виду усиленной слежки за нами и опасения потерять богослужебные предметы и вообще открыть секрет тайного служения. На Центральном Соловецком острове мы совершали нелегально обедни в наших отдельных комнатах, где жили один-два человека, или в комнатах учреждений, например, отец Николай Александров служил во время ночного дежурства в комнате, где работали инженеры, и так далее.

На острове Анзер первые св. обедни совершены были преосвященным Болеславом Слосканом, отцом Экзархом²², отцом Николаем Александровым, отцом Потапием Емельяновым, отцом Павлом Хомичем²³ и мною в лесу на алтаре — большом камне. Для восточных отцов мы установили налево от большого камня меньший камень. Но это место было неудобно в холодную погоду.

Продолжительное время мы совершали свои обедни на чердаке под крышей, стоя все время на коленях, так как выпрямиться во весь рост было невозможно. В последний год совершали богослужения в более удобном помещении, где можно было стоять, выпрямившись во весь рост. Облачение употребляли крайне редко. Обыкновенно надевали поверх светского платья

²¹ **Слоскан** Болеслав Бернардович, родился в 1893 в Витебской губ. Окончил духовную семинарию, 21 января 1917 — рукоположен; учился в духовной академии. С июня 1919 — викарий в Петрограде, с 9 июня 1924 — в Москве, с конца 1925 — в Ленинграде. 4 мая 1926 — тайно хиротонисан во епископы, с 12 августа — Апостольский администратор, с 14 сентября принял Могилевскую епархию. 17 сентября 1927 — арестован, 13 января 1928 — приговорен к 3 годам ИТЛ и отправлен в Соловецкий лагерь.

²² **Федоров** Леонид Иванович, родился в 1879 в Санкт-Петербурге. Учился в православной семинарии. 31 июля 1902 — перешел в католичество, в 1907 — окончил иезуитскую коллегию, позднее — университет во Фрейбурге. С 1909 — профессор семинарии во Львове. 25 марта 1911 — рукоположен, с 1912 — служил в монастыре студитов во Львове. В 1914 — вернулся в Петербург; вскоре арестован и выслан в Тобольск. В 1917 — вернулся в Петроград, служил настоятелем церкви, с февраля 1921 — экзарх русских католиков. 23 февраля 1923 — арестован, 26 марта приговорен к 10 годам и заключен в тюрьму. 26 апреля 1926 — освобожден, поселился в Калуге. 10 августа арестован, 18 августа приговорен к 3 годам ИТЛ и отправлен в Соловецкий лагерь.

²³ **Хомич** Павел Семенович, родился в 1893 в Гродненской губ. 22 октября 1905 — перешел в католичество. Окончил духовную семинарию, учился в академии, в 1916 — рукоположен. Служил в приходах Петрограда, с сентября 1920 — в Пскове, с июня 1923 — настоятель прихода в Петрограде и администратор приходов в области. 3 декабря 1926 — арестован, 27 июня 1927 — приговорен к 10 годам ИТЛ и отправлен в Соловецкий лагерь.

только столу²⁴. На совещании под руководством преосвященного Болеслава было решено, что минимум вина для св. обедни — 6-8 капель. Это решение вызывалось недостатком вина. Последние полтора года вино делалось из изюма, по указанию, напечатанному в курсе богословия Танкере. Обыкновенно служили 4-6 человек; в воскресенье и праздники все. С вечера отцом-сакристианом²⁵ составлялось расписание, и отцы по двое совершали св. обедни, начиная с 12 часов ночи. Облатки и квашенный белый хлеб для литургии пекли сами. ГПУ всячески боролось с совершением нами св. обеден: делали обыски и, если находили, отбирали всякие религиозные книги и богослужебные предметы; наблюдали за нами в особенности в большие праздники. Несмотря на все это мы, с помощью Божией, имели возможность и фактически до последнего дня пребывания на Анзере совершали св. литургии и, принимая всякий раз меры предосторожности и изоляясь прятать богослужебные предметы так, чтобы в любое время дня и ночи быть готовым к обыску.

Я за четыре года своего священства — преосвященный Болеслав Слоскан посвятил меня в Соловках 5 и 7 ноября 1928 года — отслужил около 1000 св. литургий. С 1931 года семеро священников (5 западного и 2 восточного) служили ежедневно (каждый в свой день недели, например, я — по вторникам) св. обедни с интенцией удовлетворения господу Богу за все совершаемое в России зло, и во-вторых, с просьбой об обращении России.

Только чудесному вмешательству Божьему обязаны мы тем, что, несмотря на невероятные затруднения, можно было служить св. обедни. Подробности об этой милости Божией заняли бы не одну страницу.

* * *

Этот последний процесс против католического духовенства интересен уже более серьезными материалами, которые были в распоряжении ГПУ (и касались приехавших священников). Семеро из 32 отцов, арестованных в Анзере, 13 июля 1932 года были отправлены из Соловков в Ленинградскую тюрьму. Это: ксендз-каноник И. Тройго²⁶, ксендз В. Дейнис²⁷, ксендз-каноник Т. Матулянис, ксендз П. Хомич, ксендз И. Савинский²⁸, ксензд Ф. Буяльский²⁹ и я.

²⁴ Стола — элемент литургического облачения католического клирика; шелковая лента 5-10 см в ширину и около 2 метров в длину с нашитыми на концах и в середине крестами.

²⁵ Ризничим.

²⁶ **Тройго** Ян (Иоанн) Янович, родился в 1881. Окончил духовную семинарию и академию, в 1906 — рукоположен. С 1908 — законоучитель в Могилеве, с 1910 — профессор семинарии, с 1914 — в курии митрополии. 10 марта 1923 — арестован, 26 марта приговорен к 3 годам и заключен в тюрьму. В 1925 — освобожден, служил в Ленинграде. 13 января 1927 — арестован, 18 июля приговорен к 5 годам ИТЛ и отправлен в Соловецкий лагерь.

²⁷ **Дейнис** Викентий Викентьевич, родился в 1880 в Риге. Окончил духовную семинарию, 1 марта 1903 — рукоположен. С мая служил викарием прихода в Двинске, с ноября 1905 — прихода под Минском. В декабре 1908 — выслан в монастырь, с апреля 1911 — настоятель прихода в Юрьеве, затем в Ямбурге и Пскове, с 1926 — в Ленинграде. 5 февраля 1928 — арестован, 13 августа приговорен к 7 годам и отправлен в Соловецкий лагерь.

²⁸ **Савинский** Иосиф Болеславович, родился в 1880 в Познанской губ. Окончил духовную семинарию, Григорианский университет и университет в Германии, в 1905 — рукоположен. С 1910 — администратор прихода в Китай-граде, с 1914 — в Луцке, с 1918 — в Кременце, в 1919 — военный капеллан, позднее служил в разных приходах на Украине. 29 марта 1927 — арестован, к 5 годам ИТЛ, в мае 1928 — отправлен в Соловецкий лагерь.

²⁹ **Буяльский** Франциск Константинович, родился в 1891 в Волынской губ. Окончил духовную семинарию, в 1915 — рукоположен. Служил в разных приходах Белоцерковского деканата, 12 апреля 1927 — арестован, 30 января 1928 — приговорен к 10 годам ИТЛ и в апреле отправлен в Соловецкий лагерь.

По словам следователя Паукера, были отобраны вожаки, которые слишком смело и якобы дерзко руководили коммуной ксендзов. Пять ксендзов из оставшихся на Соловках двадцати пяти членов бывшей коммуны и два из привезенных в Ленинградскую тюрьму были отправлены в конце августа в Ярославский изолятор, а оттуда в Польшу. Остальные двадцать человек, получив, как уже я указал, новую статью обвинения, были разбросаны по отдельным командировкам Соловецких островов и поставлены в еще более тяжелые условия жизни и труда, чем до этого.

Но самое тяжелое — это может быть то, что, получив новую статью, они ежедневно могут ожидать добавления срока или перевода на штрафной режим. Трое из них, ксендз В. Паскевич, администратор белорусской епархии преосвященный Болеслав Слоскан, ксендз А. Филипп³⁰ и П. Барановский³¹, как наиболее решительные в выражении своих взглядов, направлены снова на Анзер и помещены на разных командировках; если придется писать подробнее об этом процессе, остановлюсь на отдельных допросах моих коллег. Для иллюстрации методов работы ГПУ скажу, например, как хотели воспользоваться моим утомлением от девятилетнего сидения и склонить меня отказаться, оставаясь верующим, от исполнения функций священника, как предлагали изменить род своих занятий и предлагали занять пост сотрудника ГПУ по церковным делам. В наиболее тяжелом положении из сидящих в Ленинградской тюрьме находится ксендз-каноник Тройго. В руках ГПУ оказалась его переписка с преосвященным Эдуардом Роппом³². В письмах ксендза Тройго есть неудачные места, которые ГПУ несомненно используют для серьезного обвинения.

Возвращаясь к истории русских католиков, останавливаюсь теперь на том, каково было общее настроение среди них до ареста, как проходили они и проходят путь страданий.

Я рад и доволен, что есть несколько западных отцов, которые сталкивались в местах заключения и на свободе с русскими католиками и которые могут дать отзыв о них и высказать свое суждение по поводу моих рассуждений на эту тему.

³⁰ **Филипп** Адольф Готлибович, родился в 1885 в Витебской губ. Окончил духовную семинарию, в 1909 — рукоположен. С мая 1912 — настоятель прихода в Луге, с апреля 1915 — служил в храме Витебска. 10 января 1927 — арестован, 20 июня приговорен к 10 годам ИТЛ и осенью отправлен в Соловецкий лагерь.

³¹ **Барановский** Петр Августович, родился в 1882 в Могилевской губ. Окончил духовную семинарию и академию, в 1906 — рукоположен. С 1908 — викарий в разных приходах в Белоруссии. 26 апреля 1929 — арестован в Нежине, 20 сентября приговорен к 10 годам ИТЛ и отправлен в Соловецкий лагерь.

³² **Ропп** фон Эдуард Юльевич, родился в 1851 в с. Лихно под Дынебургом. Барон. В 1866 — окончил лицей во Фрейбурге, гимназию в Риге, в 1875 — университет в Санкт-Петербурге со степенью кандидата права. Работал в окружном суде, затем — в Сенате, позднее — в Министерстве госимущества. С 1879 — жил в родовом поместье; окончил духовную семинарию и 20 июля 1886 — был рукоположен; продолжил богословское образование в университете Инсбрука. С 1889 — настоятель и декан в Либаве, с 1896 — каноник. 9 июня 1902 — назначен Тираспольским епископом, 9 ноября 1903 — Виленским епископом. 5 октября 1907 — обвинен в польском национализме и выслан из Вильно, жил в имении брата. В марте 1917 — вернулся в епархию. 25 июля назначен Могилевским архиепископом, затем митрополитом. В 1918 — организовал приходские советы, объединенные в общий совет. 19 апреля 1919 — с началом польско-советской войны арестован как заложник и вывезен в Петроград, позднее переведен в Москву. В связи с многолюдными манифестациями с требованием о его освобождении, официальными письмами приходов властям, запросами на имя Ленина, был освобожден и выехал в Польшу.

Эти отзывы западных отцов считаю важными потому, что как восточным католикам часто приходилось слышать еще до ареста, что католичество не производит глубокого действия на душу русского человека, и в случае тяжелых испытаний они легко сдают принципиальные позиции, то есть с ними будет то же, что и с православными³³.

Настроение русских католиков до их ареста в 1923 году, их настроение и поведение в течении девятилетнего испытания могу выразить такой формулой: "на преследования св. Церкви и на переносимые ими лично страдания у них был и остается строго деловой взгляд, то есть точка зрения чистой веры: 1) Советская власть не желает допустить прямого влияния Католической Церкви на русский народ; 2) Господь Бог, наоборот, указывает ясно, что делает обращение России; 3) что, несмотря на культурное и национальное порабощение России врагами св. Церкви, необходимо и возможно работать на благо душевного возрождения России; 4) правда, возможности для борьбы самые ограниченные — молитва, тюрьма, страдания, но это сильные и действующие средства.

Действительно, прямой работы и борьбы в России в настоящее время вести невозможно. Когда представится такая возможность, трудно сказать. Но русские католики говорят, что они должны неизменно стоять на своем посту, страдать и молиться и, как добавляют некоторые, делать это и в том случае, если бы знали, что плоды этих страданий и жертв Господь направляет в другие области. Большая же часть русских католиков думает, что не их дело судить о временах и сроках духовного возрождения России, что нужно страдать до тех пор, пока Господь требует этого, что цена страданий весьма относительна, и только большим терпением и отрешенностью можно приблизить этот желанный для них момент.

Прекрасно выразил роль русских католиков в настоящее время отец Экзарх. Он сказал: "Мы — удобрение для духовного возрождения России". Западные отцы, которые встречались с русскими католиками (священниками, сестрами, мирянами) всегда восхищались их глубоко христианским настроением, бесстрашием, неутомимой энергией и готовностью принести себя в жертву до конца.

Ксендз Иосиф Юзвик³⁴ рассказывал мне о том, какое деятельное участие в жизни его прихода принимали сестры-доминиканки Кузнецова³⁵, В.В. Городец³⁶ и Спечинская³⁷, которые жили на высылке в Костроме.

³³ Дальнейшая судьба многих русских католиков показала безосновательность этих слов.

³⁴ **Юзвик** Иосиф Францевич, родился в 1873 в Варшавской губ. Окончил духовную семинарию, 12 декабря 1910 — рукоположен. Викарий прихода под Барановичами, позднее переведен в Иркутск, с 1916 — в Кострому, там арестован и отправлен в Ярославский изолятор. В 1917 — освобожден, вернулся в Кострому, с 1923 — администратор приходов в Ярославле, Рыбинске, Вологде, Архангельске. 6 августа 1928 — арестован, в апреле 1929 — приговорен к 10 годам ИТЛ и отправлен в Соловецкий лагерь.

³⁵ **Кузнецова** Валентина Васильевна, родилась в 1897 в Санкт-Петербурге. Окончила гимназию. Проживала в Москве, перешла в католичество, пострижена в монахини с именем Антонина. 8 марта 1924 — арестована, 19 мая 1924 — приговорена к 3 годам ссылки и отправлена в Нарымский край. 9 мая 1927 — освобождена, проживала в Костроме.

³⁶ **Городец** Вера Львовна, родилась в 1893 в Киеве. Получила высшее образование. Проживала в Москве, давала частные уроки. Перешла в католичество, пострижена в монахини с именем Стефания. 10 марта 1924 — арестована, 19 мая 1924 — приговорена к 3 годам ссылки и отправлена в Тобольск. 9 мая 1927 — освобождена, проживала в Костроме.

³⁷ **Спечинская** Ольга Александровна, родилась в 1891. Получила среднее образование. Проживала в Москве, перешла в католичество, вступила в общину русских католиков. 13 сентября 1923 — арестована, 19 мая 1924 — приговорена к 3 годам ссылки и отправлена в

Ксендз Инфулат Теофил Скальский³⁸ рассказывал мне об Анне Ивановне Абрикосовой, с которой он сидел в Ярославском изоляторе. Отец Инфулат говорил, что она благородно, спокойно, твердо проходит путь долголетнего тюремного одиночного заключения (встречался он с нею на прогулках).

Ксендз Ф. Андрушевич³⁹ рассказывал мне о том, какую высокую роль А.В. Селенкова сыграла в его жизни, когда он, пережив исключительно сильное воздействие со стороны ГПУ (32 дня непрерывно продолжался допрос), был психически невменяем и долгое время не мог прийти в себя. Рассказывал он также о том, какое глубокое духовное влияние оказывала она на политических заключенных в Ярославском Изоляторе.

Ксендзы Доминик Иванов⁴⁰, Франциск Буяльский, Василий Стысло⁴¹, Виктор Кривенчик⁴², Франциск Троцкий⁴³ близко знали русских католиков — Владимира Васильевича Балашева, Елену Нефедьеву⁴⁴, Елену Вахевич⁴⁵, Тамару Сапожникову, Анну Серебрянникову⁴⁶. Упомянутые священники

Томскую область. Пострижена в монахини с именем Маргарита Мария. 9 мая 1927 — освобождена с ограничением проживания на 3 года (-6), поселилась в Костроме.

³⁸ **Скальский** Теофил Готфридович, родился в 1877 в Подольской губ. В 1898 — окончил духовную семинарию и академию, магистр богословия, в 1900 — рукоположен. С 1902 — профессор и инспектор семинарии в Житомире, каноник, затем — прелат, в 1920 — служил в Киеве, с мая — генеральный викарий, с 31 марта 1926 — Апостольский администратор Житомирской епархии. 9 июня 1926 — арестован, 28 января 1928 — приговорен к 10 годам и заключен в Ярославский изолятор. В сентябре 1932 — вывезен в Москву и заключен в Бутырскую тюрьму, 15 сентября освобожден и выехал по обмену в Польшу.

³⁹ **Андрушевич** Франциск Антонович, родился в 1880 в Подольской губ. Окончил духовную семинарию, в 1906 — рукоположен. С 1906 — администратор прихода под Киевом, с 1917 — викарий в Киеве, с конца 1920 — служил в Фастове. 29 ноября 1929 — арестован, 23 марта 1930 — приговорен к 3 годам ИТЛ. 30 июня 1930 — приговорен к ВМН с заменой на 10 лет и отправлен в Ярославский изолятор. 15 сентября 1932 — выехал в Польшу.

⁴⁰ **Иванов-Столбинский** Доминик Адольфович, родился в 1883 в Петербурге. Окончил духовную семинарию и два курса академии, в 1907 — рукоположен. Служил в приходе в Риге, с 1909 — в Гомеле, с 1918 — в Петрограде. 10 марта 1923 — арестован, 26 марта приговорен к 3 годам и отправлен в тюрьму. В январе 1925 — освобожден. 25 января 1927 — арестован, 18 июля приговорен к 5 годам ИТЛ и отправлен в Соловецкий лагерь.

⁴¹ **Стысло** Василий Васильевич, родился в 1887 под Пшемыслем. Учился в духовной семинарии, окончил богословский факультет университета, 7 ноября 1913 — рукоположен. Викарий прихода в Жултанце, в 1915 — взят в плен и вывезен в Оренбург. С 1917 — служил в селе Эмильчин. 6 декабря 1926 — арестован, в 1928 — приговорен к ВМН с заменой на 10 лет ИТЛ и отправлен в Соловецкий лагерь.

⁴² **Кривенчик** Виктор Иосифович, родился в 1898. Учился в Житомирской ДС, после ее закрытия окончил ДС в Луцке и в 1921 — рукоположен. В 1922 — направлен служить на Советскую Украину и попал туда, нелегально перейдя границу Польша–Украина. Служил в Коростышеве и пос. Брусилове Радомышльского деканата, где в мае 1926 — был арестован и приговорен к 3 годам ИТЛ. Отправлен в Соловецкий лагерь.

⁴³ **Троцкий** Франциск Иванович, родился в 1889 на Волыни. Окончил духовную семинарию, в 1912 — рукоположен. Служил викарием в Проскурове, с 1916 — администратор прихода в с. Ярмолинцы, с 1921 — в с. Сказинцы и других селах. В 1927 — арестован, в 1928 — приговорен к 10 годам ИТЛ и отправлен в Соловецкий лагерь.

⁴⁴ **Нефедьева** Елена Михайловна, родилась в 1870 в Псковской губ. Окончила гимназию. Вдова, проживала в Петрограде, в 1921 — перешла в католичество, с 1922 — в монашеской общине. 5 декабря 1923 — арестована по делу русских католиков, 19 мая 1924 — приговорена к 5 годам ИТЛ. В ноябре 1925 — отправлена в Соловецкий лагерь.

⁴⁵ **Вахевич** Елена Васильевна, родилась в 1882 в Москве. Получила высшее образование. Перешла в католичество, пострижена в монахини с именем Агнессы. 10 марта 1924 — арестована по делу русских католиков. 19 мая 1924 — приговорена к 5 годам заключения и отправлена в Иркутский изолятор. 28 февраля 1929 — выслана на 3 года в Иркутск.

⁴⁶ **Серебрянникова** Анна Спиридоновна, родилась в 1890 в Саратове. Имела неоконченное высшее образование, работала учительницей. Перешла в католичество, пострижена в

сохраняют самые светлые воспоминания об этих католиках, восхищаясь их героизмом веры и строго сверхъестественной позицией их поведения, как в чрезвычайных обстоятельствах их жизни, так и в повседневной жизни.

Зачем уделяю я столько внимания этим отзывам о русских католиках? Не для того, чтобы представить их в известном освещении, не для того только, чтобы показать, как данная группа католиков переносит тяжелые испытания, этим я хочу только подчеркнуть как неосновательны были и бывают рассуждения с том, что русский человек не способен глубоко проникнуться католичеством, не способен руководствоваться в разных обстоятельствах жизни, простых и сложных, принципами вообще, а тем более сверхъестественными принципами, что следы раскола так глубоко проникли в русскую душу, что она не поддается радикальному лечению.

Во-вторых, я хочу подчеркнуть ту простую истину, которая лишней раз проверена в жизни русских католиков, что усердие священника в работе над порученной ему паствой и умение дать своим овечкам действительно католическую формацию является радикальнейшим средством, которое позволяет в течение сравнительно короткого времени и действительным образом перевоспитать больную душу и сделать ее способной к героическим актам. Эту истину прекрасно понял и в своей пастырской деятельности осуществил отец Владимир Абрикосов. Благодаря преподанному им духовному воспитанию, русские католики проходят свой путь испытаний достойно звания христианина. В жизни и тяжелых испытаниях они оказались не колеблющимися и не слабыми конвертитам⁴⁷, но вполне здоровыми, сильными и стойкими католиками.

За последние 6-7 лет одним из самых серьезных друзей и опекунов Св. Унии в России является преосвященный Пий-Евгений Неве. Несмотря на особые и специально чинимые ГПУ трудности, он много сделал для Российской Католической Церкви. В нем русские католики имеют истинно заботливого и любящего отца. Владыка Пий-Евгений усерднейшим образом и с удивительной любовью интересуется и заботится о всех нуждах, касающихся церковных дел и персонально русских католиков. Преосвященный Пий Неве является теперь в России единственной моральной опорой для католиков.

История русских католиков за последние 10 лет дает моральное право каждому русскому просить Наместника Иисуса Христа и в дальнейшем не ослаблять Своего высокого внимания и попечения о нас. Русская душа алчет и жаждет правды, и она знает, что свет вечной и неизменной истины является источником, из которого, в силу призыва Господа Иисуса Христа, могут черпать все народы. О, если бы все или, по крайней мере, многие русские люди, находящиеся за пределами своей родины, поняли, как тесно и неразрывно связано спасение и возрождение России с должным разрешением церковной проблемы, преодолением раскола!

Огромной моральной поддержкой и невыразимым счастьем является для русских католиков сознание, что правящий ныне Наместник Иисуса Христа так много уделяет внимания и так много работает для духовного возрождения России. Там, за решетками, за льдами хорошо знают и глубоко чувствуют, как трепетно бьется сердце Великого Отца Народов Папы Пия XI.

монахини с именем Имельда. 26 ноября 1923 — арестована по делу русских католиков. 19 мая 1924 — приговорена к 8 годам заключения и отправлена в Соловецкий лагерь.

⁴⁷ Конвертит — перешедший в католичество из других Церквей.

ГЛАВА II

О совершении богослужений католическими священниками в заключении на Соловецких островах

Почему все без исключения христиане почтительно и с чувством преклонения выражаются о жизни первых христиан и почему такой высокой и даже чудесной считается жизнь тех христиан, которые претерпевали гонения за принадлежность к Церкви Иисуса Христа? Потому что жизнь их, поистине, является чудесной. А чудесна она потому, что в ней ярко выступает элемент чистой веры. Жизнь чистой веры характеризуется, как мне кажется, прежде всего тем, что христианин, несмотря на трудные условия жизни и особые воздействия на его тело и психику, не теряет внутреннего равновесия и старается делать прежде всего то, что служит большей славе Божией.

Вникая в чудесные проявления в жизни преследуемых католиков, стараясь понять причину их стойкости и бесстрашия, и силу в непреклонном стремлении служить славе Божией и Его интересам, — мы прежде всего замечаем гармоничное сочетание действия двух сил — благодати Божией и воли человека. Но если мы еще глубже вникнем в условия жизни гонимых и обратим внимание на характер и факты участия Бога в их повседневной жизни, тогда поймем, что в данное случае, как и всегда в духовной жизни, проявляется тот именно показательный закон, о котором Апостол Павел говорит в послании к Филиппийцам 2, 13: "Бог производит и хотение, и действие". Этим хочу я сказать, что всякий раз, когда мы наблюдаем сильные или чрезвычайные проявления в жизни христиан, нужно помнить, что человек — глиняный сосуд, а сила, которая делает этот предмет стойким, должна быть приписываема Богу. Собираясь писать о том, как дети католической Церкви славилы Бога на кошмарных Соловецких островах, как приносили они в жертву Отцу Небесному Евхаристического Иисуса, я восклицаю вместе с псалмопевцем: "Господь творит все, что хочет на небесах и на земле, на морях и во всех безднах". Да это Он, только Он мог устроить и устранить так, что мы, ничтожные и бранные его Создания, могли почти ежедневно совершать в течение 6 лет святые литургии.

Первые мысли о совершении св. обедни в Соловецком лагере зародились в сердцах четырех членов московского прихода русских католиков. отца Николая Александрова, священника, который пламенно любит своего Господа и всегда был ревностным поклонником Евхаристического Иисуса; затем в сердцах ревностных и много потрудившихся для славы Божией сестры-доминиканки восточного обряда Имельды (светское имя Анна) Серебренниковой, Тамары Сапожниковой и Владимира Балашова.

Арестованные 12 и 16 ноября 1923 года по "делу" восточных католиков, они были высланы в начале июня 1924 года на Соловки. Побыв 1-2 недели на Поповом острове (конечный пункт на материке, в 60 километрах от Соловков) они прибыли на центральный Соловецкий остров. В то время их считали политическими заключенными, членами монархической (!) партии, к которой никто из них никогда не принадлежал. Не желая оставить их на центральном острове, где было много заключенных, ГПУ распорядилось по возможности изолировать их. С этой целью их отправили на остров Анзер, где они пробыли всего один день, так как начальник этого острова нашел нежелательным их пребывание в своем пункте. Были они короткое время на

знаменитой Секирной горе, находящейся на центральном острове, и в конце концов администрация лагеря приказала отправить их на остров Конд.

На этом острове они были помещены в сравнительно хорошие условия. Отец Николай и Владимир Балашов основались вдвоем в комнатке (исключительная роскошь для соловчанина), женщины — вдвоем в другой комнатке, в том же коридоре — визави⁴⁸. Все они были на режиме политических заключенных, жизнь свою устроили по-монастырски. Кстати сказать, отец Александров — тоже доминиканец⁴⁹. В известные часы происходила совместная молитва; кажется, они совершали вместе духовное чтение. Зародилась мысль о служении св. обеден. Начались обсуждения и кропотливая работа. Прежде всего старались достать все необходимое для совершения св. Жертвы; добыли богослужебные книги, частью из Москвы, частью от живших на Конде вольных Соловецких монахов. Но не было антимины. Его можно было выписать из Москвы, из прихода, но боялись этого делать, опасаясь, что при выдаче посылки на Конде агенты ГПУ, строго просматривающие каждую посылку, могут конфисковать антимины и надругаться над св. мощами. Совершать обедню без антимины не решались. Но, если не ошибаюсь, совершали вечерню и утреню.

После 8-10 месяцев пребывания на Конде летом 1925 года они были переведены снова на центральный остров и с этого времени их трактовали уже не как политических, а как каэров (к.-р. — контрреволюционер). Все они были определены на принудительные работы. Мужчины жили в Кремле (Соловецкая крепость), а женщины вне Кремля, в так называемом, женбараке (женском бараке).

Совершать богослужения не представлялось возможности по той простой причине, что жили они вместе с прочими заключенными. В Кремле помещалось много православного духовенства, епископов (около 20 человек) и священников (100-110 человек). Все они пользовались разрешением Соловецкой администрации посещать православную кладбищенскую церковь, находящуюся непосредственно за Кремлем, это был единственный храм, в котором имели право молиться вольные Соловецкие монахи.

Решили и наши католики обратиться за подобным разрешением. Осенью отец Николай Александров посетил начальника административной части Васькова и просил его об этом. Тот дал принципиальное согласие. Но возник вопрос, где же католики будут совершать богослужение. Отец Александров просил предоставить в распоряжение его группы одну из Соловецких часовен. Их было несколько вблизи Кремля и в 2½ – 3-х километрах дальше от него. Часовни, расположенные вблизи Кремля, все были заняты под учреждения, квартиры и мастерские. Часовня около порохового склада (½ километра от Кремля) требовала ремонта. Просить разрешения воспользоваться далекими часовнями не решались, считая это слишком смелым. Начальник Васьков рекомендовал переговорить с вольными Соловецкими монахами, как с хозяевами кладбищенской церкви, и просить у них разрешения совершать богослужения в притворе их храма, но это было бы неприятно для католиков; все же, насколько помню, отец Николай вел подобные переговоры с монахом, отцом Агапитом, симпатичным в высшей степени человеком, настоятелем храма, и он, представив эту просьбу своим братьям (в то время было на Соловках 63 монаха), принес

⁴⁸ Визави — друг против друга.

⁴⁹ Монашеское имя Петр.

отцу Николаю отрицательный ответ. С болью в сердце пришлось отложить мечты до появления благоприятной возможности.

26 ноября 1925 года привезли на Соловки меня. До этого я сидел 7 месяцев в Московских тюрьмах и 17 месяцев в Орловском изоляторе. Там я имел возможность получать книги на латинском и французском языках и заниматься богословскими науками. Удивительно трогательна была наша встреча с отцом Николаем и Владимиром Балашовым. О моем прибытии на остров они не знали. С парохода меня направили в 8-ю Кремлевскую роту, где были тяжелые условия жизни: много людей, необыкновенный шум, сон в одежде, насекомые, отсутствие минимального уюта. Прибыв в роту, я оставил свои вещи на попечении прибывших со мною знакомых и немедленно отправился искать отца Николая Александрова и Владимира Балашова. Порекомендовали справиться, не живут ли они в 6-й роте, где помещались преимущественно "церковники" (наказанные за церковную деятельность). Господь был милостив ко мне и приблизил радостный момент: по дороге к 6-й роте я встретил самого отца Николая. Увидав меня, он остолбенел, узнавал и не узнавал, и принял меня в свои отцовские объятия. В камере, где жил отец Николай, помещался и Владимир Васильевич Балашов; там же в камере помещалось не меньше 15 человек, преимущественно православные архиереи. Встреча наша была необыкновенно радостная. Говорили о переживаниях и испытаниях наших близких и друзей. Не помню, в тот ли первый день или в один из ближайших дней поделились со мной отец Николай и Владимир Балашов своим горем — что не удалось до сих пор наладить богослужений. Еще раз было решено, что нужно с помощью Божией снова предпринять шаги. Молились по этому поводу и обдумывали всякие планы и наши усердные сестры, две вышеупомянутые и две прибывшие со мной из Орловского изолятора — сестра-доминиканка московской общины Доминика (Елизавета Васильевна Вахевич)⁵⁰, и прихожанка ленинградского прихода Елена Михайловна Нефедьева, старушка лет 60. Не помню, кто именно, но кто-то обратил внимание на то, что подходящим местом для наших богослужений может служить так называемая Германовская часовня. Построена она была на том месте, где по преданию жил и подвизался один из первых основателей Соловецких обителей — Святой Герман, находится она в 2½ километрах от Кремля, у самого моря в лесу. Общее положение часовни живописное. Расположена она довольно близко от шоссе, ведущего из Кремля в Саватьево. Отец Николай и я отправились осмотреть эту часовню и нашли, что она вполне подходит для наших целей.

Решили еще раз обратиться к Васькову за разрешением пользоваться этой именно часовней. Отец Николай сказал, что он хочет, чтобы и я пошел с ним к этому начальнику. Насколько помню, мы и наши сестры серьезно готовились к этому шагу. С некоторым волнением вошли мы в деловой кабинет Васькова — наше волнение объяснялось не тем, что мы имели перед собой всесильного человека, который не только решал судьбы многих заключенных Соловецкого лагеря, но и который собственноручно расстреливал приговоренных в лагере к высшей мере наказания. Просто мы

⁵⁰ **Вахевич** Елизавета Васильевна, родилась в 1885 в Москве. Получила неоконченное высшее образование. Перешла в католичество. Вступила в общину сестер-доминиканок, пострижена в монахини с именем Доминика. 10 марта 1924 — арестована по делу русских католиков, 19 мая 1924 — приговорена к 5 годам заключения и отправлена в Орловскую тюрьму, 25 ноября 1925 — переведена в Соловецкий лагерь.

отчетливо сознавали, что исход нашего разговора зависит не от того или иного принципа или точного закона, а только от случайности и его личного соображения; сознавали мы, что многое может зависеть и от нашего личного поведения.

Следует заметить, что Васьков всегда внимательно и вежливо принимал нас. В начале разговора отец Николай представил меня, как члена группы восточных католиков, и указал, что я недавно прибыл из Орловского изолятора. Затем мы изложили ему еще раз нашу просьбу, вежливо подчеркивая, что просим только того, что имеют уже православные, и указали, что удобным местом и с нашей, и с его точки зрения будет Германовская часовня, как расположенная в некотором удалении от Кремля. Не было границы нашему счастью, когда он дал свое согласие, хотя и добавил, что разрешает посещать эту часовню только по воскресеньям и в большие праздники, причем, всякий раз нам придется обращаться к нему за особым разрешением для всей нашей группы, представляя ему для наложения резолюции список с нашими фамилиями. Первое разрешение было выдано на рождественский праздник 1925 года. Накануне праздника мы, мужчины, прошли к часовне, которая занесена со всех сторон снегом, глубиной не меньше аршина и ногами без всяких приспособлений протоптали дорогу шагов на сто. Трудно описать то настроение, с которым мы провели первый исключительный день в период нашего заключения. Особенно ярко сознавали мы, какая это великая милость Божия для нас. Но к великому нашему огорчению, отслужить святую литургию не представлялось возможности, так как не имели антимиаса, а служить без него не решались. Помню, что служили в тот день обедницу. С этих пор в каждое воскресенье и в большие праздники посещали мы нашу чудесную часовню. Обыкновенно перед отходом из Кремля все собирались в комнате дежурного по камере стрелка и оттуда с его отметкой на нашем документе, заранее подписанным Васьковым, направлялись все вместе в часовню.

Следует отметить, что по правилам Соловецкого лагеря не разрешалось совместное хождение мужчин и женщин, и мы составляли в этом случае довольно редкое исключение. Ценно было то, что с этого момента наши сестры имели возможность легально и спокойно исповедоваться. Иногда исповеди совершались в самой часовне, а иногда за недостатком времени и при регулярных еженедельных исповедях — исповедь происходит в пути. Тем более, что исповедь соединялась с еженедельным подробным отчетом о состоянии своей души.

Позволю себе отвлечься и скажу о той практике, которая установилась еще во время нашего пребывания в следственной тюрьме в Москве на Лубянке. Было это, насколько помню в январе 24 года. На Лубянке я сидел в камере № 22. Нас было 10-12 человек. Рядом в камере № 23 сидели отбывающие срок социалисты-революционеры, которые стуком через стену сообщали нам, сидящим этажом ниже, своим однодельцам разные текущие новости. Я довольно скоро научился перестукиваться и был в нашей камере одним из лучших "специалистов" в этом тюремном искусстве. Однажды, принимая "депешу" с верхнего этажа я обнаружил, что имею дело с сестрой-доминиканкой Анастасией Васильевной Селенковой. Оба мы крайне обрадовались. Поделились нашими разговорами со следователями, а так как Селенкова вела переговоры с рядом сидящими однодельцами, то я узнал много интересного о их жизни. Помню, узнал, что от кого-то из наших восточников следователь требовал отказаться от отца Экзарха и матери

игуменьи Абрикосовой. Кажется, этим же способом я узнал, что кому-то из наших предлагали, как условие освобождения, перейти (или вернуться в западный обряд). В это же время случайно узнал я, что рядом в камере № 21 сидит отец Иоанн Дейбнер⁵¹. Оказалось, что мы могли, лежа на полу, говорить и слышать друг друга <...>.

Но возвращаюсь к прерванному рассказу из Соловецкой жизни. С получения часовни заветной нашей мечтой было добиться совершения на Соловках святой литургии. В этом случае важную роль сыграла моя жена. В результате переписки с нею нам сообщено было авторитетное объяснение, во-первых, о том, какие привилегии предоставляет нам в этом случае Святейший Отец, а во-вторых, мы узнали, что роль антимины может заменить в известном смысле обыкновенный латинский корпорал⁵², стоит только во время первой литургии соединиться в мысленной молитве с тем угодником Божиим, мощи которого находятся в ближайшем к нам католическом храме. Жена прислала нам вина, и сейчас же после открытия навигации в конце мая 1926 года отец Николай начал совершение святой литургии. Приблизительно в это время милость Господня распространилась на нас так широко, что мы получили разрешение на ежедневное посещение часовни. Вообще усердный в высокой степени священник и глубокий почитатель Евхаристического Иисуса, отец Николай ежедневно направлялся в часовню. В течение зимы он пропустил 2-3 посещения часовни из-за сильных снежных заносов, ежедневно вставал он после изнурительного трудового лагерного дня в 5 - 5½ часов, и, запасшись маленькой порцией вина, которое заранее соединял с 1-2 каплями воды и просфоркой, спешил в часовню с таким расчетом, чтобы вернуться домой, позавтракать и успеть на работу. То же делали и прочие наши католики; постоянным псаломщиком отца Николая была сестра Имельда (Серебренникова). Богослужение совершалось строго по чину, которого держались в нашем Московском приходе.

Кратко опишу нашу незабываемую Соловецкую часовню. Она имела форму правильной призмы, кажется восьмиугольной, с простым куполом, покрытым жстью. Длина радиуса часовни 3 - 3½ шага. Направо от входа, почти у самой стены — небольшой колодезь, которым в свое время пользовались жившие там отцы-отшельники. Колодезь этот накрыт был специальной крышкой, которую мы использовали для устройства алтаря. Алтаря в часовне не было. Для совершения проскомидии служил нам подоконник с левой стороны. Над устроенным нами алтарем висело деревянное распятие, сделанное монахами Соловецкой обители старообрядческого стиля. Налево от него был образ Богоматери простого письма, а еще левее — образ Одигитриевской Богоматери, которую мы перенесли в нашу часовню из соседней часовни (в 100-150 метрах от нас),

⁵¹ **Дейбнер** Иоанн Александрович, родился в 1873 в Санкт-Петербурге. Окончил Училище правоведения, работал чиновником в Саратове. В 1899 — тайно перешел в католичество. В начале 1900-х — возглавил земскую управу в Тюменском уезде, позднее переехал в Петербург. Женится на католичке. В 1903 — тайно рукоположен в священники восточного обряда. С 1905 — находился на государственной службе, с 1907 — стал открыто служить в храме, с 1911 — в домашней церкви, с 7 июля 1912 — ее настоятель, с 30 сентября — настоятель прихода русских католиков. С 1918 — работал в Госбанке. С августа 1920 — викарий храма в Петрограде. 17 ноября 1923 — арестован по делу русских католиков, 19 мая 1924 — приговорен к 10 годам заключения и отправлен в Суздальский изолятор. В октябрь 1932 — освобожден, поселился в Весьегонске. 12 ноября 1936 — убит бандитом.

⁵² Корпорал — в литургических обрядах Католической церкви квадратный плат, который раскладывается на алтаре в ходе Евхаристической литургии.

чтобы заполнить пустое место, так как когда-то бывшая в нашей часовне какая-то икона была удалена. Икона Одигитрия была немного повреждена, и наша католичка Елена Михайловна Нефедьева, хорошая художница, восстановила ее. Направо от Распятия (если смотреть на него от входа) находился образ св. Иоанна Богослова, а направо от него образ св. Германа Соловецкого. В часовне было четыре больших окна. Дверь одна, легкая деревянная, следовательно, часовня холодная.

Сестры содержали ее в образцовом порядке. Уходя в лагерь, мы не закрывали ее на замок, а только деревянным засовом, так как, во-первых, были уверены, что разного рода любопытные срывали бы замки, а, во-вторых, не хотели чинить препятствий тем заключенным, которые действительно посещали часовню в свободное для них время и отдыхали в ней душой. Как я уже сказал, ежедневно служили читальную обедню. В субботу вечером, кроме того, совершалось всенощное бдение. В воскресенье бывала часов в десять праздничная обедня с проповедью. Все члены нашей группы ежедневно приступали к св. Причастию. В начале приход беден был облачением и вообще церковной утварью; было только одно красное облачение. Фиолетовое было прислано из Москвы. Как-то так случилось, что больше всего я пользовался этим облачением. 19 января 1929 года в день лишения нас права совершать богослужения облачение было конфисковано. Но 7-10 августа того же года ИСО (инспекционно-следственный отдел, то есть Соловецкое ГПУ) выдало его нашему Экзарху отцу Леониду Федорову, который по окончании трехлетнего срока заключения уезжал с Соловков. Отец Экзарх забрал с собой только один комплект, а два оставил благочестивому и прекрасному во всех отношениях бывшему клирику нелегальной ленинградской семинарии Казимиру Тысовскому⁵³, который, живя в то время в Кремле, то есть в тридцати километрах от нас, тайно хранил эти вещи и при удобном случае нелегально переслал их нам.

Кроме красного и фиолетового облачения, было еще белое и светло-желтое. Последнее сшили в 1927 году наши заботливые сестры из венчального платья Е. М. Нефедьевой. Оно было освящено отцом Экзархом. Белое же облачение, самое красивое из бывших у нас, сшил на Соловках в 1928 году отец Потапий Емельянов, который с особенным усердием и поистине детским увлечением трудился над этими драгоценными кредитками. Это-то именно белое облачение, которое мы употребляли в праздники, и увез с Соловков наш незабвенный и глубокочтимый отец Экзарх.

Приблизительно в конце 26 года или в начале 27-го случилось в нашем Соловецком приходе памятное событие. Наши усердные и неутомимые сестры старались и в лагерных условиях возвещать истину и привлекать ко Христу души. При всяком удобном случае они беседовали на духовные темы с разными женщинами-заключенными. Многим давали для чтения духовные книги на русском и французском языках. Всякий день после обеда, который они кушали все вместе, происходило совместное духовное чтение. Например, припоминаю себе ясно, что продолжительное время читали они сочинение Tissot "La vie interieure". На эти чтения и беседы в связи с прочитанным

⁵³ **Тысовский** Казимир Андреевич, родился в 1904 в Подольской губ. Окончил техникум эксплуатации железных дорог. В июле 1925 — переехал в Ленинград, работал на железной дороге, позднее студент Политехнического техникума путей сообщения. Учился в подпольной духовной семинарии. 14 января 1927 — арестован по групповому делу, 18 июля приговорен к 5 годам ИТЛ и отправлен в Соловецкий лагерь.

приходили другие женщины — католички и православные. Чтения эти приносили, по крайней мере, большое утешение сердцам бедных людей.

Особенно сильное впечатление они производили на Марию Александровну Сидорову⁵⁴ — преподавательницу и начальницу одной из петроградских женских гимназий (впоследствии советская школа II ступени). М. Сидорова была сослана на Соловки за свое активное участие в жизни православного прихода. На Соловках она пользовалась репутацией очень серьезной особы и прекрасной христианки как со стороны православного духовенства, так и прочих заключенных лагеря. Под влиянием этих бесед и в результате чтения католических авторов, она решила стать членом святой Церкви и просила отца Николая о формальном приеме. Но это представляло необыкновенные трудности, так как, во-первых, она не имела разрешения на посещение нашей часовни, не могла встретиться с отцом Николаем в церковной обстановке, а, во-вторых, она и мы опасались, чтобы кто-либо не узнал об этом, ибо это могло привести к закрытию часовни и прибавке срока заключения. Уже задолго до формального принятия она вошла с разрешения отца Николая в лоно нашей семьи и молилась вместе с сестрами. Наконец Господь послал ей этот желанный момент. Св. исповедь произошла в необыкновенных условиях и довольно дерзко. Случилось это в самом Кремле, в полутемной прихожей дежурного стрелка войск ГПУ — М. Сидорова пришла в назначенное время вместе с двумя сестрами в эту прихожую. Они сели на скамейку, как бы в ожидании вызова к стрелку или распоряжения с его стороны. Отец Николай, видя, что никого больше нет в прихожей, и только непрерывно приходят и уходят из комнаты дежурного разные заключенные, сел в углу рядом со Смирновой. Никто не обращал на них внимания и не приглядывался к ним. Таинство исповеди совершено было довольно быстро и благополучно. Нашей общей радости не было границ. Помню, что спустя продолжительное время, Сидорова побывала в нашей часовне и приступила к св. Причастию. По практическим соображениям и совету отца Николая ходила она время от времени в православную церковь, но уже не приступала к таинствам. Православные догадывались, какова была причина ее охлаждения, и всячески пытались узнать у нее, не католичка ли она, но она вела себя так, что никому не сказала ни "да", ни "нет". После освобождения она вернулась в Петроград и была ревностной прихожанкой ксендза Павла Хомича, который, прибыв впоследствии на Соловки, много прекрасного рассказывал нам о ней.

Летом 1926 года (не помню в июле или августе) прибыл на Соловки ксендз Леонард Барановский⁵⁵, декан Витебский (почивший уже во время ссылки в Нарымский край). Это был первый священник западного отряда на

⁵⁴ **Сидорова** Мария Александровна. Проживала в Санкт-Петербурге, служила директором женской гимназии, также преподавала в ней. С 1918 — после закрытия гимназии преподавала в средней школе. В начале 1920-х — арестована в Петрограде, приговорена к 3 (?) годам ИТЛ и отправлена в Соловецкий лагерь; в лагере тайно перешла в католичество.

⁵⁵ **Барановский** Леонард Николаевич, родился в 1875 в Витебской губ. Окончил духовную семинарию и академию, в 1900 — рукоположен. С 1900 — викарий прихода в Орле, в 1901 — кандидат богословия, с 1902 — викарий прихода в Петербурге, с 1904 — в Смоленске, с 1909 — декан Полоцкий, с 1914 — администратор прихода в Казани, с 1915 — в Витебске. В 1919 — арестован как заложник, вскоре освобожден. 4 июля 1922 — арестован, 21 июля освобожден. В июне 1925 — арестован по обвинению «в шпионаже». 26 июня приговорен к 3 годам ИТЛ и летом 1926 — отправлен в Соловецкий лагерь. 13 июля 1928 — освобожден и выслан на 3 года в Нарымский край; тайно совершал там Литургии. 12 декабря 1930 — скончался от тифа в деревне Тогур Нарымского края

Соловках. Узнав о его прибытии, я в тот же день посетил его в карантинной роте и с помощью добрых знакомых получил нелегальное разрешение забрать его к себе в 6-ю роту, где, по сравнению с карантинной ротой, были почти "европейские" условия. Отбыв карантин, он поселился в одной комнате с нами. Вскоре выхлопотал отец Николай и для него разрешение на посещение часовни. Он был очень доволен, но долго не решался начать совершение богослужения. В его душе появились всякие сомнения и опасения, что, пользуясь привилегиями в данных условиях и опираясь на "causa pietaris", мы не согласуемся с духом Католической Церкви. В нашей камере происходили серьезные богословские диспуты. Бывшие в лагере латинские католики часто обращались к отцу Леонарду, усерднейшему священнику, человеку вообще с твердыми принципами и бесстрашному перед ГПУ защитнику святой Церкви, с просьбой начать совершение месс. Но добрый отец Леонард долго думал, пока, наконец, решил, что существует "causa sufficientia"; решение его вызвало среди нас и наших западных братьев великую радость. Но вспоминаю об этом, чтобышний раз показать, как трудно было решиться перейти от нормального совершения св. Литургии к чрезвычайному. Поистине, дерзостью и лаксизмом⁵⁶ могло показаться прибывшему к нам с воли священнику, в особенности после ссылки нас на Анзере, когда он видел, в каких условиях совершали мы св. жертву.

Польки-католички принялись спешно за работу: сшили альбу, сшили аркост из простого розового ситца; сшили все прочие предметы. Отец Леонард имел все необходимое для совершения св. мессы, кроме св. мощей. Но мы имели уже антиминос (привезла его 20 июля 1926 года моя жена, прибывшая ко мне на свидание), и отец Леонард пользовался им, хотя перед тем опасался, что это будет смешением обрядов. Большие трудности представляло печение облаток. Для нас квашенный хлеб пекли сестры (не в виде отдельных просфорок, а целым хлебцем). Отец Леонард не соглашался пользоваться просто пресным хлебом, а хотел, чтобы этот хлеб имел обычную форму облаток, так как и в этом случае боялся нарушения закона. К нашему счастью нашелся мастер, немец-католик, который сделал прибор для печения облаток. Но прибор этот имел крупный недостаток — стенки пластинок были очень тонкие — и при печении облаток на сильном огне тесто горело (первые облатки отец Леонард пек со мной), а на слабом огне работа затягивалась. Пекли на примусе. Помню, что в первый раз в течение 3-4 часов выпекли мы 10-12 облаток.

Благодаря отцу Леонарду наш приход заметно вырос. Отец Николай выхлопотал разрешение на посещение часовни не только для отца Леонарда, но и для ряда других западных католиков. Трудно выразить словами, как ценил каждый из нас эту исключительно важную в лагерных условиях возможность — присутствовать на св. обедне, регулярно исповедоваться и приступать к св. Причастию. Все это придавало совершенно особый тон нашей жизни. Кроме нашей группы восточных католиков, только несколько светских западных католиков получили разрешение на посещение часовни. И только в большие праздники, как Рождество Христово и Святая Пасха, власти разрешали еще нескольким лицам присутствовать на богослужении, а также — кому-то из администрации, чтобы не допустить в часовню тех, кто не имел специального разрешения. Характерно и оригинально то, что со стороны

⁵⁶ Лаксизм — течение в католическом нравственном богословии XVII века, а также соответствующая практика пастырской деятельности; характеризовался снисходительностью к человеческому несовершенству и минимализмом в области нравственных требований.

разных органов советской администрации бывало разное отношение к посещению нами часовни. С момента первого разрешения и до лишения нас этого права, Административная часть, то есть орган, исполнявший полицейские функции на Соловках и имевший специальные секретные указания и полномочия из центрального ГПУ, всегда шла нам навстречу.

Но ИСО (инспекционно-следственная часть, орган, подчиненный начальнику Административной части и исполнявший функции непосредственно сыскного характера) был враждебно настроен по отношению к группе католиков и всячески чинил нам препятствия и провоцировал. Некоторые из нас объясняли это тем, что сотрудники ИСО, бывшие на свободе сотрудниками ГПУ, сидевшие теперь в заключении за злоупотребления по службе (взятки, пьянство и разбалтывание служебных секретов), всячески старались и на Соловках вымогать у заключенных взятки при всяком удобном случае, так как в лагере были те соблазны (вино и распущенность), на которые не хватало их скромного жалования. С православным духовенством жили они в самых добрых отношениях, так как всегда (в 1925-1929 годах) получали от представителя православного духовенства довольно солидные (в лагерных условиях) подачки. Агенты ИСО все ожидали, что и мы, поняв их намеки, будем снабжать их деньгами и продуктами, но мы избегали подобных отношений, так как в те годы не видели нужды во внимании к нам сотрудников ИСО уже потому, что начальник Административной части сохранял к нам благосклонное внимание. Это мы объясняли, во-первых, предписаниями из московского ГПУ, и, во-вторых, провиденциальной ролью отца Николая Александрова.

В конце 25 года или в самом начале 26 года, когда высшая администрация Соловецкого лагеря, под непосредственным руководством начальника управления Эйхмана стала на путь широкого развития производственных работ в лагере и даже за пределами его, был призван и отец Николай, как инженер (в порядке принудительных работ), для участия в совещаниях и работе ЭПО (эксплуатационно-производственный отдел). Отец Николай мог бы занять в ЭПО одну из руководящих ролей, но избегал этого по той уже простой причине, что старался сохранить как можно больше времени и сил для своих богословских занятий и для приходской жизни. До поступления в ЭПО был он простым сторожем, и это как нельзя лучше отвечало его планам; он всячески старался остаться сторожем. Но потом мы поняли, что была в этом воля Божия.

Вскоре после начала своей работы в ЭПО, отец Николай был назначен помощником заведующего Электро, то есть учреждения, которое заведовало на островах предприятиями сильного и слабого тока. В этой роли ему часто приходилось бывать для докладов и для специальных объяснений у членов высшей лагерной администрации и, между прочим, помогать им в устройстве радио и других работах в их личных помещениях. Это, конечно, позволяло ему обращаться к ним с разными просьбами. Больше всего и почти исключительно этими знакомствами он пользовался для наших приходских дел. Неизменно каждый месяц должны мы были подавать заявление о разрешении пользоваться часовней и получать вино. Через отца Николая Господь легко устранял чинимые нам на этом пути препятствия. Вот почему мы считали, что нам не нужно было обращать внимание на поползновения ИСО.

В ноябре 27 года в роли помощника и заместителя отца Николая по приходским делам дипломатического характера был выдвинут я. Случилось

это так. По рекомендации заведующего Соловецкой школой Аксенова, видного общественного деятеля в православной колонии, я приглашен был в качестве преподавателя математики к вольным сотрудникам ГПУ: секретарю коммунистической ячейки, начальнику кавалерийского эскадрона и библиотекарю. В самом начале 28 года меня пригласил заниматься всеми предметами средней школы с ученицей 6-го класса начальник Административной части А. Степанов. Он и все мои ученики были довольны и ценили мои педагогические способности. И вот, благодаря моему знакомству со Степановым и другими вольными Господь помог мне в служении всей нашей католической колонии.

Сотрудники ИСО и начальник Кремлевского отделения неоднократно посягали на наше право посещать часовню. В конце каждого месяца, как я уже сказал, мы должны были получать специальные пропуска на право выхода из Кремля и посещения Германовской часовни. Пропуска эти выдавала администрация Кремля (конечно, на основании разрешения от начальника Административной части УСЛОНа — Управления Соловецких лагерей особого назначения). Часто бывали случаи, что эта низшая администрация или вовсе не хотела выдавать нам разрешения, или ограничивала, давая разрешения только на большие праздники. И вот в этих именно случаях помогало нам наше служебное положение. Всякий раз, когда отец Николай или я обращались к начальнику Административной части с заявлением, мы снова получали желательную для нас резолюцию и вручали ее нашей администрации. В своих сношениях с администрацией я имел, во-первых, общую директиву отца Экзарха, а во-вторых, всегда совещался с ним и отцом Николаем.

Был с нами такой случай. Несколько сотрудников ИСО, не получая от нас подарков, решили сами воспользоваться нашим добром. Эти сотрудники (Зильберман, Шмидт и другие), просматривая наши посылки, которые мы получали от родных, прихожан и друзей, забирали присылаемое нам церковное вино (выдавая нам соответствующие расписки). Сразу все присылаемое нам вино не выдавалось, а только установленная начальником Административной части порция. Кажется, летом 28 года оказалось, что упомянутые сотрудники ИСО выпили 28 бутылок нашего церковного вина, то есть, насколько помню, весь наш запас. Решаясь на этот шаг и собираясь и в будущем, конечно, делать нам подобные сюрпризы, они были уверены, что все пройдет гладко, и что мы не осмелимся помешать агентам всемогущего ИСО в их развлечениях. Но мои старшие решили, что, если мы пропустим без внимания такое беззаконие, то в будущем останемся на целую зиму без вина, которое мы могли получать только до закрытия навигации, то есть до половины декабря. Поэтому в частном разговоре с начальником Административной части Степановым я посетовал на постигшее нас несчастье. Его это так возмутило, что всех виновных он посадил в карцер на целый месяц.

Знакомство со Степановым помогло нам и в таком еще случае. На пасхальной неделе в 28 году был произведен в лагере обыск и забраны религиозные книги, причем, сам Степанов распорядился никому не выдавать книг впредь до особого, общего для всего лагеря распоряжения. Многие вовсе не получили своих книг, многие получили только часть книг. По совету наших священников я, спустя самое короткое время после обыска, обратился к Степанову с просьбой вернуть нам наши книги. Когда я и В.В. Балашов пришли в ИСО с резолюцией Степанова о выдаче нам книг, сотрудник ИСО

был очень удивлен и наш успех объяснил только тем, что я преподаю в семье самого Степанова.

Есть мудрое изречение: "Соловки — это Советский Союз в миниатюре", и наоборот: "Советский Союз — это большой Соловецкий лагерь". Так говорили соловчане, то есть люди, которые хорошо знали и то, и другое. Если соловчанина спрашивали, что же общего между тем и другим, он, не задумываясь, отвечал: "И то, и другое — тюрьма, здесь в малом, а там, на воле — в большом масштабе". Это верные мысли. Горькие, но справедливые. Самое неприятное и тяжелое на воле и Соловках — это неуверенность в завтрашнем дне и непрерывное "трепыхание", то есть занятость всевозможными делами, которые постоянно громоздятся перед каждым гражданином, непрерывно занимают его внимание и всегда сулят ему новые осложнения. Кто хочет понять конкретно и исчерпывающе, какая разница между Царством Божиим на земле и царством дьявола, тому достаточно пожить короткое время жизнью советского гражданина.

Та евхаристическая жизнь, которую мы, по особой милости Божией, имели возможность вести на Соловках, была для нас исключительно ценным оазисом. Дьявол понимал это. Его раздражало присутствие Евхаристического Иисуса на Соловках, его кошмарном царстве, где царила безжалостная смерть, непосильный труд, недоедание, разврат и циничные издевательства над человеческою личностью. Но как трудно было нам сохранять наш святой оазис. Каждый месяц, каждая неделя приносили нам всякие неожиданности и осложнения. Не было уверенности, что завтра мы поедем в часовню или хотя бы сможем отслужить обедню в нашей камере. Сколько раз наш заботливый отец Николай должен был в тяжелом и томительном ожидании простаивать перед кабинетами Соловецких начальников, чтобы снова и снова попытаться охранить наш благодатный оазис от того или иного покушения. Сколько раз подступало искушение: не пора ли отказаться от всех этих хлопот и неприятностей, или приходила часто мысль: хочет ли Господь этих треволнений? Не лучше ли отдать предпочтение более пассивному благочестию? Но тогда осеняли голову иные мысли: о бесконечной ценности одной даже обедни, о необходимости ради Иисуса стремиться совершать св. Жертву, так как этим способом Он, наш Первосвященник, служит вместе с нами славе и интересам Отца Своего. Мы же восточные католики всегда помним завет отца Экзарха, боевое задание в условиях гонения: стараться всеми силами отслужить хотя бы одну святую Литургию на Соловках, так как возможно, что это единственная литургия восточного католического священника в России и за Россию. Я никогда не забуду того внутреннего волнения и того внутреннего удовлетворения, когда в 31 и 32 годах я, молодой священник, очень часто совершал св. Литургию на Соловках только один из восточного клира...

Но вернемся к истории. В середине октября 26 года прибыл на Соловки наш дорогой и глубокочтимый отец Экзарх⁵⁷, мы уже знали, что на этот раз его великое "преступление" заключалось в том, что он из Калуги приехал в Могилев и там всколыхнул массы бывших униатов, которые сами напомнили ему о вере их отцов и дедов и просили послать к ним униатского священника. Как сейчас помню момент встречи с ним. Я был на работе на лесопильном заводе, ко мне прибежал отец Николай с радостной вестью о приезде отца Экзарха и с просьбой поскорее повидаться с ним, постараться попасть в

⁵⁷ Имеется в виду Леонид Федоров — экзарх русских католиков.

карантинную роту, куда вход посторонним был строжайше запрещен. Меня же часто посылал отец Николай в такие "непроходимые" места.

Я быстро оказался в знаменитой 13-й роте и в первой темной комнате направо от входа увидел отца Экзарха в ужасных условиях среди так называемой шпаны (мелкий уголовный элемент). Он был одет по-светски, в строгой оригинальной шляпе. Сердце мое сжалось, когда я увидел в таком виде и в таком обществе отца Экзарха — бледного, усталого. Он очень обрадовался мне. Несмотря на усталость, он, как всегда, был бодр. Насколько помню, я довольно быстро получил разрешение на его нелегальный выход из карантина в нашу роту для обеда. Отец Николай и Балашов радостно приветствовали нашего архипастыря. Если я не ошибаюсь, почти на другой же день по его приезду мы устроили ему возможность совершить святую литургию. А какая была радость для сестер и для всех нас, когда после отбытия двухнедельного карантина отец Экзарх появился в нашей часовне, совершил в ней торжественную службу и сказал нам мудрую и сердечную проповедь, как всегда глубокую и сильную.

Больше всех, кажется, радовалась Елена М. Нефедьева, которая глубоко почитала отца Экзарха еще и за то, что он был тем первым серьезным духовником в ее жизни, который руководил ею после ее обращения (приблизительно в 1920 году). Я вспомнил об этом, чтобы засвидетельствовать, что наше объединение около Евхаристического Иисуса было также источником наших духовных радостей, когда, уйдя от тягостей лагерной жизни, мы по-детски просто радовались возможности братского общения. Благодаря прекрасной системе духовного воспитания отца Владимира Абрикосова в нас, мирянах, выработалось двойное отношение к священнику: с одной стороны — чисто сверхъестественное отношение к нему, как ко второму Христу, и наша почтительность к священнику была настолько глубока, что каждый из нас не подавал ему запросто руку, а если какой-нибудь новый священник сам протягивал руку, то или старались поцеловать руку или, как это делали сестры, просто заявлять, что у нас не принято таким образом (по-светски) здороваться со священником; с другой стороны, — мы питали к священнику родственные чувства как сыновья, и поговорить с ним доставляло нам большое удовлетворение.

После воскресного богослужения летом мы оставались на некоторое время всей нашей семьей перед часовней на лоне чудного уголка природы, съедали скромный завтрак и затем в милых и приятных братских беседах возвращались в лагерь, обсуждая близкие нам текущие события и делясь полученными вестями о других наших братьях, находящихся в тюрьмах и высылках. Часовня и все связанное с нею поддерживало нашу сверхъестественную жизнь и сохраняло равновесие и здоровье нашей психики, что так важно для заключенного в тяжелых и в высшей степени ненормальных Соловецких условиях. Большой моральной и духовной поддержкой служил наш приход и для тех католиков, которым администрация лагеря не разрешала посещения часовни, так как разрешения эти давались только так называемым церковникам, то есть тем заключенным, "преступления" которых были связаны с участием в церковной жизни. Бывали случаи, когда католики, не посещавшие часовни, обращались к нашим священникам с просьбой помолиться с их интенциями⁵⁸, приступали нелегально к исповеди. Никогда не забуду того высокого удовлетворения,

⁵⁸ Интенция (лат. *intentio* — намерение) — в обиходе католиков, преимущественно латинских, поминание на богослужении и пожертвование, связанное с ним.

которое переживал я уже после закрытия нашей часовни, когда католики, западные или восточные, исповедовавшиеся у нас прежде или слышавшие об этом, обращались с просьбою принять их исповедь. Как сейчас живо помню несколько случаев таких исповедей. Долгом считаю вспомнить об этом.

Был у нас в лагере, в самом Кремле, крестьянин-белорус, западный католик по фамилии Веремей⁵⁹. Это была святая душа. Удивительно глубокая вера, непреклонное упование на Бога и постоянные разговоры со своими сокамерниками были постоянными спутниками этой души. Он был сослан в Соловки за живое исповедание своей веры в своей деревне и за смелые разговоры о религии в присутствии властей. За это же пострадал он при царском правительстве. Всякий раз, когда я, живя в 30 километрах, приходил в Кремль, он просил меня выслушать его исповедь. Помню, два раза исповедовал я его в общественном садике. Оба мы сидели на скамеечке, как бы вели простой деловой разговор, мимо нас время от времени проходили заключенные, которые не торопясь совершали свою прогулку. Мне всегда казалось, что я исповедую самого ангела. Даже теперь не могу без волнения вспоминать этого чудного старца. Во время чтения разрешительной молитвы он как бы случайно снимал свою шапку и как бы ею занимался. Этого старца знал близко преосвященный Болеслав Слоскан и тоже восхищался им.

Еще помню, как сейчас, исповедь нашей восточной католички Юлии Николаевны Данзас⁶⁰. Это было в 29 и 30 годах. Узнав, что я пришел с острова Анзера в Кремль, она постаралась увидеться со мной и просила выслушать ее исповедь. Условились встретиться в девять часов вечера на Соловецком кладбище. Правда, там немало проходило людей, так как через кладбище проходила дорога в так называемый "рабочий городок" (9 жилых барачных и здание театра и клуба), но члены администрации появляются там редко. Было довольно темно, только фонари недалеко от кладбища освещали местность. На гулявших старуху и закутанного мужчину не обращали специального внимания. Мы довольно свободно ходили по кладбищу и даже входили в самый городок. Я испытывал необъяснимое удовлетворение, исполняя пастырский долг перед глубокой католичкой и прекрасным человеком, которая перенесла за время заключения очень большие трудности.

Несколько раз исповедовал я и другую нашу великую страдальицу, глубоко просвещенную и очень сильную натуру — Тамару Васильевну Сапожникову. Как я уже писал, она прибыла в Соловки в 1924 году и была постоянной и усерднейшей посетительницей часовни. Каково же было ее горе и какое лишение испытывала она, когда священники были увезены из Кремля, где она продолжала жить, на остров Анзер. И вот всякий раз, когда кто-либо из священников появлялся в Кремле, она неизменно спешила на

⁵⁹ **Веремей.** Крестьянин из Белоруссии, до 1917 — преследовался царской властью за переход в католичество. В середине 1920-х — арестован «за смелые разговоры о религии в присутствии властей». Отправлен в Соловецкий лагерь.

⁶⁰ **Данзас** Юлия Николаевна, родилась в 1879 в Афинах. С 1888 — проживала в России, получила домашнее воспитание, в 1896 — сдала экзамены в гимназии; изучала историю и философию в Сорбонне; с 1907 — фрейлина императрицы. Занималась научной работой в Париже и в Риме, была автором книг. С августа 1914 — заведующая складом Красного Креста, с 1916 — доброволец казачьего полка, участница боев. В марте 1917 — вернулась в Петроград, с ноября 1918 — работала в Публичной библиотеке, с ноября 1919 — преподавала в институте; с марта 1920 — заведующая Домом ученых. 17 ноября 1920 — перешла в католичество, 25 марта 1922 — пострижена в монахини с именем Иустина. 17 ноября 1923 — арестована по делу русских католиков, 19 мая 1924 — приговорена к 10 годам и отправлена в Иркутский изолятор, весной 1928 — переведена в Соловецкий лагерь.

исповедь, причем, всегда добродушно повторяла, что Господь снова чудесно устроил для нее встречу со священником. Последний раз я исповедовал ее, кажется, в 32 году, когда меня вызвали в Кремль на медицинскую комиссию. В это время она была уже выслана из Кремля в лагерный пункт Саватьево, в 11-12 километрах от Кремля. Один из наших добрых католиков по телефону сообщил ей о моем прибытии (сообщение было сделано осторожно, так чтобы никто не понял истинную причину вызова). Исповедь я принимал в большом коридоре главного управления лагеря (в так называемом "Белом доме") на виду у многих заключенных, служащих в разных учреждениях Управления и тех заключенных, которые приходили в учреждения по разным делам. Мы отошли в конец коридора, где было мало людей, я снял шляпу и, играя ею в руках, время от времени делал жесты, как бы разговаривая, а Тамара Васильевна исповедовалась. Держа шапку в руках, прочел я разрешительную молитву и, прикрыв руку шляпой, благословил ее. После этого мы быстро расстались, опасаясь, чтобы нас не заметил кто-нибудь из агентов ИСО, так как могли бы быть неприятные для обоих последствия.

Однажды произошел более серьезный случай. Было это, кажется, 16 июля 1930 года. По какому-то поводу ксендз Франциск Буюльский, ксендз Иоанн Версоцкий⁶¹ и я пришли с Анзера в Кремль. Я на всякий случай взял с собой некоторые вещи, необходимые для совершения литургии, так как, если не ошибаюсь, отец Николай предложил мне постараться совершить св. Жертву, чтобы напитать живших в Кремле наших сестер. Помню, что они были необыкновенно рады и приготовили все нужное для св. литургии. У них была стеклянная чаша, служебник и так далее; испекли хлебец. Все было к моим услугам, но не было самого главного — храма, то есть места, где мог бы Евхаристический Господь приклонить свою голову. Один из католиков предлагал мне воспользоваться его комнатой, так как он жил с кем-то вдвоем в небольшой комнате. Но я почему-то уклонился от этого предложения. Впоследствии говорили, что юноша этот был или стал на Соловках секретным агентом ГПУ. Прожив 3½ года на центральном острове, я довольно хорошо был знаком с окрестностями Кремля и решил, не доверяя тайны людям, удалиться в ближайший к Кремлю лес и, отдавшись на усмотрение Божие, совершить там таинство.

Для этой цели выбрал ель, ствол которой сама природа вполне тщательно закрывала спускавшимися до земли ветвями. Походив в районе этой ели и удостоверившись, что никого близко нет, и что никто, вблизи по крайней мере, не следит за мной, я быстро вошел под елку, разложил на земле скатерть, расположил на ней свои сосуды (вроде тех, с которыми я снят на фотографии), покровцы, достал служебник и с некоторым замиранием сердца и страхом за свою дерзость приступил к совершению св. Жертвы. Несомненно, я спешил, что нарушало мой обычный стиль. Все прошло вполне благополучно. С новым трепетом пошел я к лагерю, опасаясь, чтобы кто-нибудь не остановил меня, узнав, что я нелегально вышел из Кремля и нелегально гулял в лесу; я также боялся, чтобы не произошло неприятного осложнения для св. Даров, которые я разложил в разные свертки, отдельно для каждой сестры. Снова все прошло благополучно.

⁶¹ **Версоцкий** Ян (Антоний) Янович, родился в 1888 в с. Гольшаны Виленской губ. Окончил духовную семинарию в Санкт-Петербурге, в 1915 — был рукоположен. С 1916 — викарий прихода Св. Троицы в Минске, с 1919 — администратор прихода Забялы деканата Дрисса-Себеж, позднее — в приходе Дрисса под Витебском. 8 августа 1927 — арестован в Витебске. 25 августа 1927 — приговорен к 5 годам ИТЛ и отправлен в Соловецкий лагерь.

Никто не обращал на меня внимания, когда я спокойно, не торопясь и с непринужденным видом шел по направлению к управлению лагерем. В назначенном месте встретил я одну из сестер и отдал ей драгоценную Ношу. В этом случае я сделал так, как делали мы прежде, с разрешения преосвященного Слоскана и отца Экзарха, о чем будет речь ниже.

Хотелось бы знать мнение Святейшего Отца, как смотрит он на вышеизложенный случай: можно ли оправдать подобную смелость? Начиная с июля 29 года, мы постоянно рисковали, что агенты ГПУ могут застать нас во время совершения св. Литургии. Многие из нашей среды боялись вообще рисковать. Другие, наоборот, смотрели на это просто: если Господу приятна наша священническая дерзость, Он поможет нам и предохранит Св. Дары от какой-либо неприятности и не лишит нас в дальнейшем Св. Литургии. О личных неприятностях не думали, если так чудесно устроил Он и устраивал, что мы имели все необходимое для служения литургии, то не Его ли это рука допускает рискованные положения? Но вернусь к теме. Я говорил о значении нашей литургической жизни для тех, кто не имел права посещать часовню. Как я сказал, время от времени удавалось исповедовать и даже причащать; были случаи совершения похорон. 26 февраля 1926 года отец Николай в присутствии членов восточного прихода, латинских католиков и православных, похоронил, получив на это разрешение начальника Административной части, одного западного католика, который во время пребывания в лазарете исповедовался. Это был Иосиф Кржижановский. Приехав в Польшу, я имел возможность рассказать его матери о том, что сын ее умер добрым католиком. Был случай похорон, когда отец Николай и отец Леонард хоронили оба вместе, то есть в двух обрядах; не помню кого и когда. С соблюдением обряда похоронены были ксендз Иосиф Ибянский⁶² и Иоанн Фурх⁶³. Об особенных похоронах ксендза Феликса Любчинского⁶⁴, большого моего друга, расскажу в своем месте. Если не ошибаюсь, был случай крещения младенца в тайной обстановке. Помимо этого, так сказать, видимого влияния, наша литургическая жизнь оказывала и невидимое моральное влияние на заключенных и даже на вольных. В то время как в лагере царила пустота, уныние, отчаяние и многие заключенные поддавались разным соблазнам, которые дьявол и там раскинул широко, наши католики-церковники вели содержательную жизнь в своем замкнутом кругу, далеки были от тоски, уныния и тем более — отчаяния и пользовались доброй славой. Многие искренне завидовали нам, восхищались предоставленной

⁶² **Ибянский** Иосиф, родился в 1872. Окончил духовную семинарию в Санкт-Петербурге, в 1897 — рукоположен. С 1900 — vikarий прихода в селе Преле Нижне-Двинского деканата, с 1904 — капеллан в Ярославле, с 1905 — администратор прихода в селе Заскорки Лепельского деканата, с 1909 — администратор и законоучитель в школах в Вятке, с 1921 — настоятель прихода в селе Корень под Минском, с 1923 — в селе Лагойск. В 1927 — арестован, приговорен к 5 годам ИТЛ и отправлен в Соловецкий лагерь; в 1929 — скончался.

⁶³ **Фурх** Иоанн Иоаннович, родился в 1890 в пос. Красное Аккерманского уезда. Окончил духовную семинарию в Саратове, в 1918 — был рукоположен. С 1921 — настоятель прихода в селе Эмменталь, с 1923 — в селе Зельц под Одессой. 23 октября 1928 — арестован, 10 июня 1929 — приговорен к 5 годам ИТЛ и 12 августа отправлен в Соловецкий лагерь; позднее переведен в Белбалтлаг, 19 февраля 1930 — скончался там.

⁶⁴ **Любчинский** Феликс Николаевич, родился в 1886 в Волынской губ. Окончил духовную семинарию, в 1909 — рукоположен. Служил vikarием прихода в Киеве, с 1916 — настоятелем прихода в селе Куна, с 1919 — в Гайсине, с сентября 1920 — в деревне Кушелевка вблизи Тульчина. В начале 1920-х — не раз арестовывался, позднее освобождался. 13 апреля 1927 — арестован, 21 августа 1928 — приговорен к 10 годам ИТЛ и отправлен в Соловецкий лагерь, работал там сторожем. В августе 1931 — тяжело заболел, в октябре вывезен в лазарет. 17 ноября 1931 — скончался в лагерьном лазарете.

нам Господом возможностью — вести литургическую жизнь. Они не могли не понять, какое значение имеет религия, как окрыляет она человека.

В июне-июле 27 года наша колония порядочно увеличилась. Прибыло много католических священников; 2 восточных; отец Шио Батманишвили⁶⁵, архимандрит Грузинской Конгрегации Непорочного Зачатия, и отец Потапий Емельянов, приведший в деревнях под городом Луганском к католичеству несколько тысяч крестьян. Латинские священники из Ленинграда (ксендзы И. Тройго, Д. Иванов, П. Хомич, М. Шавдинис⁶⁶, А. Василевский⁶⁷), с Украины (ксендзы В. Ильгин⁶⁸, Ф. Буяльский, А. Федорович⁶⁹, Б. Дунин-Вонсович⁷⁰, С. Словинский⁷¹, Ф. Любчинский, В. Кривенчик, Ю. Совинский⁷² и другие), из Белоруссии (ксендзы А. Филипп, Б. Савицкий⁷³, В. Жолнерович⁷⁴ и другие)

С этих пор литургическая жизнь протекала следующим образом. Некоторые священники стремились во что бы то ни стало совершать св. Жертву ежедневно. Некоторые несколько раз в неделю. В часовню

⁶⁵ **Батманишвили** Шио Григорьевич, родился в 1885 в Тифлисской губ. Окончил духовную семинарию и академию, в 1912 — рукоположен. Служил в приходе в Кутаиси, затем настоятелем прихода в Ахалцыхе. В 1921 и 1922 — неоднократно совершал поездки в Константинополь. С 1922 — настоятель грузинского католического монастыря, с 1925 — Апостольский администратор католиков Грузии. 16 октября 1927 — арестован, 16 января 1928 — приговорен к 10 годам ИТЛ и отправлен в Соловецкий лагерь.

⁶⁶ **Шавдинис** Мечислав Петрович, родился в 1895 в Виленской губ. Окончил духовную семинарию и академию, 6 сентября 1918 — рукоположен. Служил в приходе Петрограда, с 1919 — викарий, с 1920 — служил в Луге, с декабря 1921 — профессор семинарии, с 1923 — канцлер курии. 5 февраля 1928 — арестован, 2 августа 1928 — приговорен к 10 годам ИТЛ и отправлен в Соловецкий лагерь.

⁶⁷ **Василевский** Антоний Михайлович, родился в 1868 в Люблине. Окончил духовную семинарию, в 1889 — рукоположен; позднее окончил академию, магистр богословия. С сентября 1889 — викарий прихода в Москве, с 1905 — декан. С апреля 1912 — викарий в Петербурге, почетный каноник. В марте 1923 — арестован в Петрограде, 26 марта приговорен к 3 годам и отправлен в тюрьму. 24 января 1925 — освобожден, служил настоятелем, с 1926 — ректор тайной семинарии. 13 января 1927 — арестован, 18 июня приговорен к 5 годам ИТЛ и отправлен в Соловецкий лагерь.

⁶⁸ **Ильгин** Викентий Адамович, родился в 1886. Окончил духовную семинарию, учился в академии, в 1909 — рукоположен. С 1910 — администратор в Чечерске, с 1918 — декан в Харькове; с 15 августа 1926 — Апостольский администратор. 25 октября 1926 — арестован, 7 января 1927 — приговорен к 3 годам ИТЛ и отправлен в Соловецкий лагерь.

⁶⁹ **Федорович** Адольф Антонович, родился в 1889. Окончил духовную семинарию, в 1914 — рукоположен. Служил в приходе в Орле. В 1925 — арестован, приговорен к 3 (?) годам ИТЛ и в начале 1927 — отправлен в Соловецкий лагерь.

⁷⁰ **Дунин-Вонсович** Бронислав Валентинович, родился в 1898. Учился в духовной семинарии. 20 августа 1922 — рукоположен; тайно перебрался через границу, служил викарием в Ушомире, с 1925 — администратор и декан Киевский. В начале января 1927 — арестован, 27 января приговорен к 3 годам ИТЛ и отправлен в Соловецкий лагерь.

⁷¹ **Словинский** Станислав Иванович, родился в 1898 в Волынской губ. Окончил духовную семинарию, в 1921 — рукоположен. В 1922 — тайно перешел границу СССР, служил администратором прихода в Любарском деканате. В 1926 — арестован, приговорен к 3 годам ИТЛ и отправлен в Соловецкий лагерь.

⁷² **Совинский** Юзеф, родился в 1873. Окончил духовную семинарию, в 1907 — рукоположен. Служил в Отрогском деканате, затем — в селе Кунево под Заславлем. В 1929 — арестован, приговорен к 3 годам ИТЛ и отправлен в Соловецкий лагерь.

⁷³ **Савицкий** Болеслав Викентьевич, родился в 1876 в Виленской губ. Окончил духовную семинарию, в 1904 — рукоположен. Служил викарием прихода Городок Подольский, с 1920 — на Украине, с 1928 — в Бердичеве. 20 августа 1928 — арестован. 3 января 1929 — приговорен к 10 годам ИТЛ и отправлен в Соловецкий лагерь.

⁷⁴ **Жолнерович** Владислав Ипполитович, родился в 1885 в Виленской губ. Окончил духовную семинарию, в 1915 — рукоположен. С 1916 — викарий прихода в Витебске, с 1921 — администратор прихода в деканате Орша. 27 февраля 1927 — арестован в Витебске. 3 мая 1927 — приговорен к 5 годам ИТЛ и отправлен в Соловецкий лагерь.

ежедневно ходило только несколько священников. Во-первых, ежедневное хождение само по себе очень затруднительно. Во-вторых, установился обычай служить св. литургию в наших камерах, тем более, что никого постороннего в них не было. Вставали довольно рано и сразу устраивали 2-3 алтаря: один на столе, два — на деревянных сундуках, поставленных на постелях. Так было в камере № 147 в четвертой роте Кремля. В этой камере помещалось 6-7 отцов. В этой же камере служили и те отцы, которые жили в общих камерах, то есть там, где помещались и не католики. В камере № 140 той же роты, где помещалось 4-5 отцов, устраивали 2 алтаря, на столах. Здесь служили восточные отцы. Впрочем, отец Экзарх чаще всего служил в камере № 147, где была его постель. В конце 28 года нам, католикам, с большим трудом удалось занять в этой же роте и третью камеру № 143, где помещались 9 наших отцов. И в ней устроили один алтарь. В воскресенья и другие праздничные дни в часовне совершалось значительно больше обеден. В 10-11 часов служили торжественную обедню, в одно воскресенье — западную, в другое — восточную, с проповедями на польском или русском языках. На этих обеднях присутствовало довольно много отцов и светские католики. Пел латинский или славянский хор. Помню, хор пел под руководством отца Доминика Иванова или под моим.

Следует заметить, что Св. Даров в часовне никогда не хранили. Но припоминаю, что 2 августа 1928 года, в день францисканского праздника по мысли ксендза Павла Хомича, францисканца-терциария, было устроено выставление Святых Даров. Оно продолжалось с раннего утра часов с 7-ми и до конца последней обедни, часов до 12 дня. Этот день прошел очень торжественно, и часовня была убрана лесными цветами и зеленью. Правда, все было очень убого, но величественно и символично. Наши доминиканки во главе с отцом Николаем решили, подражая римской традиции, соединится в этот день в своих молитвах со своими братьями францисканцами. Кроме наших заключенных — доминиканцев и францисканцев, присутствовали францисканка, сестра София, и Анна Некрасова — обе вольные, приехавшие на свидание к родственникам и тайно пришедшие в часовню. Самый трогательный момент, момент соединения на Соловках францисканцев и доминиканцев, заключенных и вольных, — это было общее причащение всех во время западной обедни, которую, если не ошибаюсь, служил отец Павел. В этот день исповедовались и причащались и другие католики, легально и, кажется, нелегально. Через день, 4-го августа в день святого Доминика, францисканцы присутствовали на торжественной восточной обедне, в гостях у доминиканцев восточного обряда. И снова причащались все вместе. Благодарю Бога, что я был на Соловках: нередко ощущал я в этом страшном месте дыхание неба и переживал там редкие по своему величию радости.

Не могу умолчать о праздновании нами 31 июля, дня святого Игнатия Лойолы. Сестры-доминиканки, зная о глубокой симпатии отца Экзарха и моей к этому святому и его ордену, всегда отличали этот день, и во время литургии сестра-псаломщик пела тропарь святому Игнатию. Проповеди по-польски произносил обыкновенно отец Павел Хомич, которого (без специального назначения) считали настоятелем Соловецкого латинского прихода. Русские проповеди произносил отец Экзарх, отец Николай Александров, и, если память мне не изменяет, тот же отец Хомич. Не произнести проповеди в Воскресенье или большой праздник было невозможно — сестры-доминиканки не нашли бы слов для выражения своего огорчения. Иногда совершались тайные исповеди католиков, не имевших права посещать часовню,

обыкновенно в те часы, когда, пользуясь перерывом в работе, уходили на прогулки. Вино и облатки неизменно получали в посылках от родственников, друзей и прихожан. Кроме того, тот же немец-католик сделал для нас новый аппаратик для выпекания латинских облаток, и с тех пор мы могли быстро выпекать нормальный хлеб для западных месс. Вскоре после приезда упомянутой большой группы отцов были получены из Ленинграда несколько комплектов облачения, сосуды, миссалы⁷⁵ и прочее. Даже прислан был походный алтарь, кажется, преосвященным Антонием Хаецким, со святыми мощами и четырьмя комплектами облачения. На случай осложнений многие из нас заготовили для себя все необходимое для совершения святой литургии и переписали тексты самой литургии с несколькими переменными частями. Все это впоследствии весьма пригодилось. Но все же при большом количестве желающих служить святыне обеды и ограниченном времени для этого нам не доставало чаш. Поэтому западные отцы сделали то, что и восточные в свое время: заказали мастеру, доброму католику, сделать 1-2 маленькие чаши из простого металла. Уже значительно позже отец (Антоний) Версоцкий, прекрасный мастер на все руки, сам сделал чашу из звонка, употребляемого при западном богослужении — удалил язычок, приделал к концу ручки устойчивое основание, покрыл внутреннюю часть звонка оловом, и получилась превосходная чаша. Порядочно помогла нам в этой экипировке моя жена, которая с риском привезла ее в 31 году в тюрьму, приехав в Соловки на свидание со мной. Она знала о всем ходе нашей жизни, о наших нуждах и благодаря этому сама посылала и других просила посылать нам то, чего не могли мы добыть на Соловках.

Мы устраивались на Соловках, как будто бы собирались остаться там навсегда. Некоторые из священников находили, что это было чрезмерное усердие, и что все это может кончиться большими неприятностями и ухудшением нашей участи. Но я всегда замечал, что ревностные почитатели святой Евхаристии и вообще священники, которые по общему признанию отличались высоким благочестием, стояли за то, чтобы всякую возможность использовать для служения святой литургии, не загадывая далеко вперед и не пугая себя и других разными страхами. Это был как раз тот стиль, которого держалась наша группа восточников, первая водрузившая на острове пыток и смерти знамя Католической Церкви. Мы держались принципа доминиканцев — на все смотреть глазами веры и всегда радоваться, служа истине и наслаждаясь ею в каждый данный момент. Наши достойные своего ордена сестры-доминиканки вносили и в условия Соловецкой жизни литургический ток и традиционность. В особенности торжественно и радостно проходили большие праздники. И церковь, и посетители имели действительно праздничный вид. В эти дни литургия совершалась особенно торжественно. Пользуясь знакомством с вольными монахами, я достал у них митру для отца Экзарха, а для себя стихарь, и обедня совершалась с иподиаконом. Кстати сказать, 26 февраля 1926 года я тайно посвящен был отцом Экзархом в иподиаконы в нашей часовне.

Однажды в первый день Рождества или святой Пасхи, не помню, была особенно торжественная обстановка, служили латинскую обедню с диаконами и иподиаконами, и отец Экзарх сидел в митре на троне. Но в такие торжественные дни мы всегда помнили, что темные силы озадачены нашей безмятежной радостью и что-нибудь замышляют против нас. Большею частью

⁷⁵ Миссал — в Римско-католической Церкви богослужебная книга, содержащая последования Мессы с сопутствующими текстами.

мы не обманывались; но Господь всегда помогал преодолевать все осложнения или принимать их в духе веры. Некоторые священники старались в дни больших праздников посетить больных. Официально подобные посещения не разрешались, и надо было пользоваться нелегальными путями. Некоторые добрые священники, как, например, отец Хомич и отец Александров старались навещать больных при всяком удобном случае. Особенно ревностны были сестры, которые имели легальный доступ в больницу и постоянно заботились о больных католиках. Облегчала им этот доступ сестра Имельда (Анна Серебренникова), которая служила сестрой милосердия.

В 1927 году в Могилеве арестован был преосвященный Болеслав Слоскан. Будучи теоретически и практически знакомы с ГПУ, мы ожидали преосвященного на гостеприимные Соловки. Отец Экзарх, который еще в 22 году сказал мне, что я буду посвящен при первой возможности, приказал мне готовиться к посвящению и добыть все необходимое для этого, прежде всего архиерейский служебник (Pontificale) и святой елей (olea Sancta). Я написал об этом жене. Написано было так, что цензор писем на Соловках не понял, о чем шла речь. Жена не послала мне сразу этих предметов, так как, сама интересуясь вопросом моего посвящения и следя за судьбой преосвященного Болеслава, решила послать их только в том случае, если бы Владыку действительно направили в Соловки. Мои надежды и ожидание приезда Владыки к нам в 27 году не оправдались: Владыка, хотя и был осужден на три года концлагеря, однако, направлен был не к нам, а в другой лагерь, находящийся на материке. Впрочем, надежда на приезд Владыки не покидала меня до конца навигационного периода 1927 года. Часто посматривал я с острова в ту сторону моря, откуда Соловецкий пароход мог привезти для меня величавший из даров Божиих — благодать священства.

Но, увы, наступила зима, море покрылось на 20 километров от берегов толстым льдом, пароходы стали на зимовку, а Владыка остался на материке. Сердце скорбело. Это была, кажется, первая и единственная скорбь, которую я так остро почувствовал за 9 лет заключения. Я так мечтал о священстве. Священство во время гонения на Церковь Христову — исключительно великий дар: оно дает право и власть духовно питать самого себя и страдающих ближних. За годы заключения я поневоле и не один раз пережил необъяснимые моменты, когда душа дышит и держится в равновесии только силою чистой веры, какой-то особой помощью Божией, — и с тех пор Иисус Христос стал особенно близок и дорог, и мне так хотелось самому обладать силой рождения Его своим желанием и словами, хотелось созерцать Его, держа на своей собственной ладони. Иисус Христос Сам научил меня тайне своего соединения со священством, Сам разогрел во мне жажду стать священником. Я готов был страдать без конца, только бы Господь даровал мне эту благодать. Но справедливо сказано в Святом Писании: "Мои мысли — не ваши мысли, не ваши пути — пути Мои, говорит Господь" (Ис. 55, 8).

Прошла зима 27-28 года, прошла весна, и вдруг, в конце июля, когда мои друзья и я оставили мысли о приезде Владыки, вдруг узнаем мы: приехал епископ Болеслав Слоскан. Всего вероятнее ГПУ не собиралось направлять Владыку на Соловки. Но зимой 28 года Владыка простудил ногу и заболел ишиасом, и тогда медицинские власти решили направить его на лечение в наш соловецкий лазарет ГПУ, более оборудованный, чем госпитали других северных лагерей. Я прошел нелегально к больному Владыке. Он очень радушно принял меня. Душа его не подозревала, что к нему пришел его

будущий первый **духовный** сын. Вслед за мной навестил Владыку наш отец Экзарх. Как только Владыка поправился, отец Экзарх обратился к нему с просьбой о моем посвящении. Владыка согласился. Решили совершить посвящение в полной тайне, не говоря об этом даже всем нашим священникам.

3 июля приехала ко мне на Соловки на свидание жена и привезла последнюю необходимую для посвящения вещь — pontificale⁷⁶. Преосвященный Пий Евгений Неве прислал через жену специальное благословение и разрешение на посвящение. В конце августа я начал десятидневные реколлекции. Решено было устроить посвящение в будни, то есть в рабочие дни и, по возможности, ранним утром, чтобы уменьшить до минимума степень нашего риска и избежать случайных посетителей. Предприняты были меры предосторожности, чтобы на наш ранний выход не обратили внимания в нашей роте, то есть ближайшая к нам администрация, и даже наши почтенные отцы. 5 сентября 1928 года было назначено днем первого посвящения в диаконы. С великим трепетом и волнением вышли мы в начале пятого утра из лагеря и направились в часовню. В результате решения Владыки и отца Экзарха на посвящения приглашены были: ксендз каноник И. Тройго, который, как профессор литургики, был инструктором Владыки при этом первом его посвящении и во время самого богослужения — архидиаконом, затем были, кроме отца Экзарха, отец Николай Александров, отец Павел Хомич и все мои однодельцы — русские католики, то есть Владимир Балашов, три сестры-доминиканки и одна светская католичка. В часовню я пришел в светском платье, и только в самой часовне надел подрясник. Богослужение прошло спокойно, сосредоточенно. Все присутствующие и я переживали совершенно особые чувства. Мои друзья говорили после, что была обстановка катакомб: в убогой часовне, на простой скамеечке вместо кресла сидел молодой Епископ, тоже в секретной обстановке призванный Господом к великому служению в гонимой Церкви. Епископ служил без митры и без пасторали: сиявшее в его лице и говорившее само за себя высокое духовное совершенство как бы заменяло эти обычные видимые знаки епископской власти. В часовне чувствовался аромат благодати. Мы ощущали, что и здесь на этом страшном теперь острове полны реального значения слова Иисуса Христа: "Се Аз с вами во все дни"... "врата адовы не одолеют", — то есть и здесь на Соловках Господь помогает Своей Церкви делать то, что Он находит нужным, и укрепляет нашу веру для перенесения тех страданий, необходимых для Его планов спасения овец отторгнутого стада.

Еще более глубокое и торжественное настроение было в нашей незабвенной часовне через день, 7 сентября 1928 года. Я не мог удержаться от тихих и радостных слез, когда преосвященный Болеслав возложил на мою голову руки и произнес: "Accipe Spiritum Sanctum", и когда затем и другие страдальцы за Святую Церковь тоже прикоснулись к моей голове. Знаю, что такие минуты уже не повторятся в моей жизни. То, что я был и останусь недостойным священства, было для меня просто аксиомой, тогда и теперь. В тот момент я думал о том, что я — уже слуга Божий в полноте, и я должен служить Ему тем даром, которого Он удостоил меня. Я ощущал, что главная сила, которую я мог служить Богу в заключении, это — Святая Жертва. Я чувствовал, что Христос — навеки мой, а я — слуга Его для облегчения Его

⁷⁶ Pontificale — литургическая книга Римско-католической Церкви, которая содержит обряды, исполняемые епископами.

страданий в схизме. Душа моя чувствовала и говорила только одно: "Господь мой и Бог мой"...

Радостно служил я вместе со своим отцом-епископом первую обедню. После обедни, когда я разоблачился и остался в подряснике, ко мне подошел сам Владыка, стал на колени и попросил благословения. Я заколебался, как могу я преподавать благословение епископу, своему отцу... Но Владыка ждал и, кажется, посмотрел на меня так, что я невольно поднял в трепете руку и благословил своего отца и величайшего благодетеля. Потом подошел ко мне отец Экзарх, второй мой отец и такой же благодетель, великий страдалец за рождающуюся после стольких веков паралича Русскую Католическую Церковь и, смиренно склонив голову, попросил благословения. Разве можно забыть такие минуты?.. Затем подошли отец Николай Александров, отец Павел Хомич и все присутствующие; царила тихая, но глубокая радость... Спустя некоторое время все вернулись к соловецкой действительности: новый священник превратился в прежнего светского человека, отец Донат стал Донатом Гильярдовичем, как обычно меня называли и называли теперь на обратном пути из часовни в лагерь.

Отец Экзарх строго распорядился не делать никаких намеков и как бы забыть, что я священник. Но по дороге произошло одно незабываемое событие. Недалеко от часовни в глубине леса встретил меня спешивший для совершения обедни отец Архимандрит Шио Батманишвили. Он жил в Кремле в одной комнате со мной, и ему сообщили под секретом о предстоящих посвящениях, так как в его присутствии мне предстояло совершать мои тайные обедни. Увидав меня после посвящения в лесу, он не смутился, что я был в светском платье, а сразу, по римскому обычаю, стал предо мной на колени и попросил первого благословения. Вернулся я домой, и наступила обычная соловецкая жизнь. В тот же день пошел на свои обычные занятия, в дом начальника Соловецкого ГПУ, где я преподавал все предметы старшего класса средней школы свояченице (сестре жены) этого начальника (теперешнего начальника ГПУ Казанского Округа). Как сейчас помню, ученица замешкалась и не сразу вышла ко мне. Некоторое время я сидел один в кабинете самого начальника и думал о часовне, откуда я только что вернулся, и невольно задал себе вопрос, что сделал бы со мной этот начальник, если бы знал, кто я с сегодняшнего дня...

12 сентября в той же часовне я совершил под руководством отца Экзарха первую обедню. Присутствовала вся наша восточная группа. Это была моя первая и последняя обедня в часовне, дорогой для меня. Отец Экзарх находил, что, служа в часовне, я рискую, и лучше служить мне не в ней, а в камере, возможно раньше, так как в эти часы никто обыкновенно в камеру не заходит. Так я и поступал. Св. Литургию совершал ежедневно. Несмотря на то, что в одном с нами коридоре и даже напротив нашей камеры жили прочие наши отцы, никто, кроме посвященных, не знал, что я служу святую обедню. И только спустя месяца два открыл Владыка, вопреки желанию отца Экзарха, всем нашим священникам тайну (по моим соображениям, соловецкое ГПУ узнало об этом раньше).

С тех пор многие называли меня в своем обществе отцом, ксендзом. Перед посторонними и в особенности перед агентами ГПУ я должен был, в силу желания отца Экзарха, тщательно скрывать свое священство. Но это было нелегко. Несколько раз агенты ГПУ старались поставить меня в затруднительное положение, но я вполне удачно выходил из него, пользуясь,

как я говорил в шутку, приемом английской дипломатии — на всякий вопрос отвечать гладким переводом разговора на другую тему.

Общая наша жизнь шла обычным темпом. Работали и молились. О, если бы я всегда служил святые обеды, как делал это на Соловках!.. Мы имели возможность о многом молиться. Помимо общих и личных интенций⁷⁷ многие из нас имели платные интенции, это было и существенной материальной поддержкой. В особенности много таких интенций получали мы, восточные священники, благодаря энергичным стараниям моей жены. Особенно усердно снабжал нас интенциями наш восточный священник отец Алексей Анисимов⁷⁸ и отец Августин Баумтрог⁷⁹, администратор епархии немцев-католиков.

Наш образ жизни, довольно умелое пользование всеми возможными на Соловках благами и использование общего и личного положения для блага всей католической группы, западной и восточной, — все это беспокоило и не нравилось Соловецкому ГПУ, которое привыкло видеть придушенных или растерявшихся заключенных, дрожащих за свое настоящее и со страхом думающих о будущем.

Большинство из нас жило прежде всего настоящим днем, отдавая будущее в руки Господа Бога. Наше дело — страдать, а если наши страдания можно и нужно будет использовать, это дело Господа Бога и наших старших. Агенты ГПУ создавали, что мы занимаем эту позицию, которая только укрепляла наше религиозное сознание, и не давала им надежды на достижение того, о чем мечтали они, арестовывая нас и ссылая, — сломить морально, скомпрометировать в глазах верующих и использовать для своих целей. Разрешая нам богослужения, ГПУ, во-первых, не хотело выделять православных, с которыми оно вело игру; во-вторых, они были уверены, что соловецкая действительность настолько прибьет нас и сломит католическую "гордость", что такие "невинные забавы", как богослужения не помогут нам в сохранении равновесия.

Но довольно скоро они поняли, что Соловки на нас не действуют, что нет надежды подавить нашу совесть. Соловецкое ГПУ время от времени устраивало, по заданию из центра, разного рода провокации, чтобы расправиться с неудобным для них элементом <...> Но ГПУ, по-видимому, не питало серьезней надежды, что удастся легко поймать нас на дешевый трюк, хотя мы и окружены были специальным штатом секретных агентов. Но, во-первых, никакими антигосударственными замыслами мы не занимались и, во-

⁷⁷ Интенция — в обиходе католиков, преимущественно латинских, поминание на богослужении и пожертвование, связанное с ним.

⁷⁸ **Анисимов** Алексей Максимович, родился в 1874 в с. Чардым Саратовской губ. Окончил трехклассное училище. В 1922 — в Петрограде рукоположен в священники восточного обряда. Проживал с семьей в Саратове, работал бухгалтером в Промстрое; совершал дома тайные богослужения. В 1928 и 1929 — посещал в Москве епископа Пия Неве, получал от него деньги для отправки посылок осужденным священникам на Соловки...

⁷⁹ **Баумтрог** Августин Иванович, родился в 1883 в с. Кустарево-Краснорыновка Самарской губ. В 1907 — окончил духовную семинарию, в 1909 — рукоположен. В 1911 — окончил университет в Инсбруке (Австрия), вернулся в Россию; служил викарием прихода в Саратове, с 1912 — ректор Саратовской духовной семинарии, с 1914 — настоятель прихода на Кавказе, с 1917 — администратор прихода в селе Мариенбург Ровненского деканата. В августе 1919 — после разгрома восстания немцев-колонистов в Поволжье перешел на нелегальное положение. В 1922 — после объявления амнистии вернулся в Саратов, служил настоятелем прихода в Астрахани. 23 мая 1926 — епископом Мишелем Д'Эрбиньи назначен Апостольским администратором для католиков Поволжья; оказывал материальную помощь священникам на Соловках, пересылая им пожертвования на Мессы.

вторых, в своих разговорах с посторонними всегда помнили, что каждый наш разговор может быть известен ГПУ.

ГПУ пробовало провоцировать нас неоднократно, и невинно, и более серьезно. Например, ксендз Викентий Дейнис сидел целый месяц в Соловецкой тюрьме по обвинению в расклейке троцкистских прокламаций, и даже был выставлен лжесвидетель, но отец Викентий своим смелым поведением устыдил провокатора. В течение нескольких последних лет ИСО, то есть Соловецкое ГПУ старалось спровоцировать нас на том, будто мы посылаем нелегальные письма за границу. Искренне и лукаво предупреждали нас поступать в этих случаях осторожно. До осени 30 года мы не давали ни малейшего повода к этим подозрениям; но той осенью ксендз Адольф Филипп послал через свою мать, приехавшую к нему на свидание письмо за границу в оригинальной форме — в виде заявления на имя председателя ЦИКа М. И. Калинина. ГПУ узнало об этом, и это было, конечно, поводом для новых подозрений.

За время моего семилетнего пребывания в Соловках ни одна провокация не удалась. ГПУ несомненно было недовольно нашей неприступностью; во-первых, это возмущало их, и один из них очень характерно выразил свое возмущение: "Они ведут себя так, что получается, будто имеешь дело с английским послом". Во-вторых, это приводило к серьезным подозрениям, что среди нас есть иезуиты, мы же понимали это и видели, что против нас ведется глухая борьба.

Трудно сказать, к чему бы она привела, если бы развивалась медленным темпом. Но развязку ускорило мое посвящение и, как думаю, начавшиеся переговоры с Польшей об обмене. Собственно говоря, это была не развязка вообще, а перемена тактики в отношении нашей группы: решили поставить нас в более тяжелые условия жизни и затем уже сделать должные выводы. Это мое соображение подтверждают, как мне кажется, слова крупного сотрудника ГПУ Паукера, к которому поступали материалы о нашей жизни на Соловках. 28 августа 1932 года он прямо сказал мне: "В течении последних трех лет мы внимательно изучали всех вас и знаем малейшую деталь в вашей жизни". А это нужно им было, чтобы нащупать слабые стороны каждого из нас.

Эти три последние, вернее три с половиной года начались с 5 декабря 1928 года, когда закрыли нашу часовню. Внешне это выглядело наказанием за нашу дерзость, за тайные посвящения, но, по-моему, это послужило поводом переменить культурный по видимости режим на подлинное притеснение. После закрытия часовни Преосвященный Болеслав и я, как представители от группы католиков-церковников, обратились к начальнику Управления лагерем и начальнику Соловецкого ГПУ с просьбой вернуться к *status quo*⁸⁰, но они не согласились и заявили, что мы можем молиться в наших камерах. Следовательно, произошла как будто незначительная перемена для нас, священников; но наши сестры-доминиканки и светские католики потеряли сразу очень много. Не могло быть речи об их присутствии на наших литургиях; затруднялись исповедь и причащение их. Но все же то и другое нелегально совершалось. С разрешения отца Экзарха и Преосвященного Болеслава мы, восточники, готовили для сестер Св. Причастие в отдельных бумажных пакетиках и относили рано утром (в 7 часов 15 минут) в условленное место. Выходила навстречу обыкновенно старшая сестра Имельда; вернувшись в камеру, она давала каждой сестре

⁸⁰ Status quo — текущее или существующее положение дел.

свой пакетик. После соответствующих молитв (если не ошибаюсь, они ежедневно, по крайней мере, часто, прочитывали целую обедню) сестры, не дотрагиваясь руками до святого Агнца, причащались. Не имея возможности присутствовать на святой литургии, сестры глубоко страдали и, как выражались, завидовали нам.

Но вот пришло и памятное 19 января 1929 года, и мы спустились в катакомбы. В этот дань часов в 9-10 вечера к православному духовенству и к нам появились с обыском. У православного духовенства обыск был весьма поверхностный; но в наших трех комнатах он продолжался до 2-х с половиной часов ночи. Уже по началу обыска стало ясно, что решено забрать у нас все религиозные книги, церковную утварь, чтобы положить конец нашим богослужениям и, вообще, нанести удар нашей религиозной жизни. Как ни усердствовали члены ГПУ во время этого обыска, но и мы, хотя и не сговаривались друг с другом, приложили немало искусства, чтобы общими усилиями сохранить за собой часть религиозных книг и все необходимое для совершения св. обедни. После обыска оказалось, что наши старания увенчались значительным успехом: мы снова могли совершать св. литургию и имели порядочно богословских книг и наилучшие произведения для духовного чтения. Сохранили и несколько бутылок церковного вина.

Но печально, рассуждая по-человечески, оказалось то, что почти всех наших священников забрали с вещами из этой удобной для нас роты, состоявшей из небольших камер, и перевели в общую роту, где в одном большом помещении находилось несколько сот заключенных, политических и уголовных. Никаких богослужений совершать там не представлялось возможным. Но в прежней роте остались Преосвященный Болеслав, отец Мечислав Шавдонис, я и В. Балашов.

Как только мы проводили наших друзей в новую роту и вернулись в свою, епископ торжественно сказал отцу Мечиславу и мне: "Отцы, сейчас же совершим святую Литургию". Было около 3-х часов ночи. Без всякого страха и колебания мы разложили на столах священные предметы и вознесли Господу наши моления о помощи в катакомбах и о чудесном сохранении и в будущем всего необходимого для служения святой Жертвы. Но как это было дерзко с нашей стороны: служить обедни сейчас же после обыска, когда, по глубокому убеждению агентов ГПУ, мы лишены были всех религиозных предметов! Подобных дерзостей мы совершили много! Дерзостнее всех был в ту ночь, кажется, я: тайный священник и, как думали агенты ГПУ, тайный иезуит служил обедню, и как восточный, служил целый час... Прекрасное это было время! Я рад, что был на Соловках...

Итак, мы ушли в катакомбы, православное духовенство, несмотря на запрещение посещать церковь вольных монахов, преспокойно продолжало ходить туда. Мы знали, что катакомбы были приготовлены в начале 29 года только для нас.

Я спросил отца Экзарха, советует ли он и разрешает ли стараться во что бы то ни стало служить как можно чаще святыя обедни, даже с некоторым риском. Тогда-то он сказал свои памятные слова: "Помните, что наши обедни на Соловках, возможно единственные в России обедни восточных священников, молящихся за Россию, надо стремиться во что бы то ни стало отслужить хотя одну обедню в день".

Уже в силу его завета мы, восточные священники, изоощряли все наши способности в этом направлении. Лучше всех устроился отец Потапий Емельянов. Он был сторожем при музее, устроенном в одном из бывших

Соловецких храмов. К большому удовольствию своих коллег-сторожей он постоянно дежурил по ночам, так как, благодаря этому, мог спокойно совершать ночью святую Литургию в самой церкви. Отец Николай Александров, занимавший в управлении лагеря пост инженера, старался время от времени служить ночью в учреждении, где занимались днем инженеры. Я некоторое время молился в прежней 4-й роте, но с 10 марта 29 года, когда и меня перевели в общую роту к моим коллегам и на тяжелые физические работы, уже крайне редко удавалось мне совершать святую Тайну.

Помню, после 10 марта 29 года я два раза служил на мельнице, два раза в покинутом машинном отделении в подвале, который указал мне один наш друг Н. Ксендзы Версоцкий и Иванов совершали обедни рано утром в очень удобном и уединенном месте, в канцелярии лыжно- мебель- ной мастерской, где единственным канцеляристом был сам ксендз Версоцкий. Ксендз Павел Хомич время от времени служил в комнатке при дезинфекционной камере, заведующий которой был хороший знакомый ксендза Фомича, посланный в Соловыи за посещение нелегальной католической семинарии в Ленинграде. Иногда служили в этой комнатке и другие наши отцы, в том числе и я. Мы переживали тяжелое время. Помимо тяжелых духовных лишений, большим испытанием для нас были материальные условия нашей жизни. Мы жили в постоянном шуме на виду у всех. Читая духовные, то есть запрещенные книги, приходилось не забывать, что за нами наблюдают. Необыкновенным мучением были для нас тяжелые физические работы. Особенно неприятной и изнурительной работой было "вридло", как с горькой улыбкой выражались заключенные. Работа эта состояла в том, что мы, фактически заменяя лошадей, возили грузы за 7 и 10 километров. "Вридло" значит — временно исполняющий должность лошади. Но и в этих условиях, помимо обычных утешений, Господь послал нам специальное утешение. Мы добились разрешения совершить торжественное пасхальное богослужение. Узнав, что власти разрешили пасхальное богослужение евреям и православным, мы тоже настойчиво просили об этом соловецкую администрацию. Сверх наших ожиданий — разрешили. Пасхальную заутреню и обедню совершали в сослужении отец Экзарх и отец Николай. Присутствовали только наши восточники, так как латинская Пасха уже прошла. На этом богослужении, совершенном нами в часовне знаменитого Соловецкого Филипповского Собора, по поручению начальника отделения присутствовал командир одной из рот. Под конец (или в середине, не помню) богослужения он вышел из часовни и стоял за стеклянную дверь и не очень внимательно наблюдал за нами. Прошу теперь войти в мое затруднительное положение. Отец Экзарх не позволил мне, как тайному священнику, принять участие в торжественном богослужении, но сказал, что, если будет удобно, я отслужу обедню самостоятельно, сейчас же после главной обедни. Когда отец Экзарх увидел, что администрация не наблюдает зорко за нами, он разрешил мне надеть поверх светского платья епитрахиль и в таком виде отслужить обедню. Помню, как отец Экзарх и отец Николай старались, стоя близ алтаря, закрыть меня своими фигурами. Командир, заглядывая в стеклянную дверь, видел, что трое молятся, но понял ли он, что происходило в часовне, не знаю.

Вскоре после Пасхи наше положение еще ухудшилось. Отец Потاپий, отец Экзарх, я и несколько других священников были переведены в 12-ю роту, которую нельзя назвать иначе, как кошмарной соловецкой клоакой. К

довершению всех трудностей мы не имели права выходить из нее в свободное от работы время. Во время пребывания в этой роте отец Экзарх заболел, и его отправили в больницу.

Но вот наступил еще один памятный день — 9 июня 29 года. Все мы в течение нескольких дней собраны были в 12-ю роту, тоже общую, и в воскресенье 9-го июня все наши священники, кроме меня и светского католика Балашова, были отправлены с центрального острова на остров Анзер. Преосвященный Болеслав был сослан на этот остров еще 29 января 29 года, то есть 10 дней спустя после погромного обыска. Это нужно было расценивать, как наказание для него. Правда, ГПУ не решалось направить Владыку вместе с нами на тяжелые работы, но, выслав его на Анзер и поместив там одного среди светских в глухом углу острова на командировке Троицкой, власти явно выразили тенденцию наказать Владыку за "преступления", совершенные им уже на Соловках. Если не ошибаюсь, некоторое короткое время Владыка провел вместе с православным архиепископом Петром Воронежским⁸¹, тоже сосланным в наказание за возглавление православного духовенства на Соловках. Но бедный Владыка Петр заболел на Троицкой тифом, и умер⁸². Вся злобность ГПУ в отношении нашего Владыки выразилась в том, что его послали туда, где легко можно было заболеть и умереть. Бедный Владыка Болеслав: не успел он поправиться после ишиаса, который приобретен был им в результате тяжелых условий жизни, не успел морально отдохнуть в своем обществе, и вдруг — новые тяжелые условия, новые лишения. Приехав к нам летом 28 года, <пропуск> (он надеялся), что сможет воспользоваться имевшимися у нас религиозными книжками. На Анзере же он лишен был религиозных книжек, только по особой милости Божией удалось Владыке привезти с собою на Анзер одну книжку. Перед самым отъездом его из Кремля на Анзер кто-то из нас снабдил его одним томом Родригеса на французском языке. Это и была вся библиотека нашего Владыки. Скромная, но содержательная.

Владыка был на Троицкой сторожем. Двинувшаяся на Анзер группа наших отцов в тот же день 9 июня, прибыла в Ребольду, порт на центральном острове, из которого ходят лодки на остров Анзер, до порта Кинга. Перебраться на Анзер нашим отцам удалось только 11 июня, так как буря мешала переправе. В этот день 11 июня и я был отправлен на Анзер в обществе православного Владыки Аркадия (епископа Житомирского)⁸³ и

⁸¹ **Зверев** Василий (Петр) Константинович, родился в 1878 в Москве. Окончил историко-филологический факультет университета в Москве, поступил в Казанскую Духовную Академию. в 1900 — принял монашеский постриг с именем Петр; вскоре рукоположен во иеродиакона, затем во иеромонаха. По окончании Академии преподавал в духовной семинарии в Орле, затем — епархиальный миссионер; с 1907 — инспектор Новгородской духовной семинарии, с 1909 — настоятель Спасо-Преображенского монастыря в Тульской епархии, архимандрит; в 1916 — священник в действующей армии; с марта 1917 — настоятель Свято-Успенского Желтикова монастыря в Твери. 15 февраля 1919 — хиротонисан во епископа Балахнинского, викария Нижегородской епархии. Служил в Печерском монастыре Нижегородской губ. В мае 1921 — арестован, тайно отправлен в Москву и заключен в тюрьму. В конце июля 1921 — отправлен в Петроград, в декабре освобожден, вернулся в Москву. В 1922 — вновь арестован, в ноябре доставлен в Москву, в марте 1923 — выслан в Кзыл-Орду, летом 1924 — вернулся из ссылки в Москву. В июле 1925 — направлен в Воронеж, в 1926 — назначен на Воронежскую кафедру в сане архиепископа. В ноябре 1926 — арестован, приговорен к 10 годам ИТЛ и отправлен в Соловецкий лагерь.

⁸² 7 февраля 1929 — скончался.

⁸³ **Осталский** Аркадий Иосифович, родился в 1889 в селе Скаковка Волынской губ. В 1910 — окончил духовную семинарию, учитель в школе в селе Великая Цвиля, затем помощник миссионера. 14 сентября 1911 — рукоположен в священника; помощник уездного

священника-самосвята Марка Полноляха. Часов в 11 ночи приехали мы на Анзер. В порту Кинга пережил я несколько неприятных минут во время обыска моих вещей. Я вез с собой религиозные книги вообще, литургические книги, утварь и облачение. Все висело на волоске. Решался большой вопрос — смогу ли я совершать святую Жертву или, быть может, на несколько лет наступит голод духовный. Не помню делателей обыска, но знаю одно, что Господь проявил ко мне великую милость, совершив одно из тех чудес, который принято называть незаметными: все мои сокровища остались при мне. Также благополучно прошли обыски и у приехавших предо мною на Анзер моих коллег. Тоже все висело на волоске. В некоторой степени удачный исход можно объяснить нашим искусством, умением отвести внимание обыскивавшего от опасного места, умением в самое короткое время снискать распол

ожение и уважение к себе с его стороны, но главное, конечно, это интервенция небесных сил, особая помощь наших специальных святых покровителей. Некоторые из нас имели простую детскую, но твердую веру, и всегда говорили: "все будет хорошо".

Часов в 12 ночи прибыл я в главный пункт острова Анзера и оттуда, как было приказано, сразу же отправился пешком дальше. Пришлось взять в обе руки по чемодану, по 10-12 килограммов, и с этой ношей пройти 5 километров. Я был крайне утомлен, так как в тот день уже прошел 17 километров, не обедал и с семи часов утра был в движении и некотором нервном напряжении. Но каково было мое удивление и внутреннее волнение, когда я узнал, что меня направляют на командировку, которая носит прекрасное название "Голгофа". Здесь когда-то жили монахи. Церковь, посвященная страстям Господним, и скит стояли на высокой горе. Дорога на вершину горы шла винтообразно, — никогда не забуду я тех мыслей, которыми полна была моя голова и сердце. "Какое счастье, — думал я. — Я усталый, изнуренный и с тяжелой ношей поднимаюсь... на Голгофу". Я так был рад, что добровольно и радостно могу принимать посланные мне страдания, которые я, будучи на свободе, специально посвятил Церкви и Святому Отцу. Сердце, как тяжелый молот, стучало в моей груди, мне казалось, что я не смогу взойти на вершину Голгофы. Но в душе царил невыразимое состояние, и я чувствовал близость распятого Спасителя... На Голгофе я пробыл 7 дней. Служить там святую Обедню не удалось, так как не было вина, и невозможно было испечь хлеб. Прибывшие предо мной отцы жили в двух с половиною километрах от меня, в ужасных условиях, еще худших, чем мои. Но 18 или 19 июня всех нас неожиданно для нас перевели на командировку Троицкую, где жил наш дорогой и глубокочтимый Владыка Болеслав. Какая это была радость для всех нас! Встретив Владыку на улице, я стал на колени и просил благословения. Так коротко мы были в разлуке, но так много каждый испытал за это время. Мы чувствовали, что в этом новом соединении нас в одну семью проявляется новая милость Божия. Здесь прожил я 3 года и 15 дней. Немало перенес я на Троицкой моральных и

миссионера, с 1914 — миссионер в Галиции, с 1915 — военный священник в полку. С 1917 — служил в церкви Житомира. В 1922 — арестован, приговорен к расстрелу, позднее замененным на 5 лет ИТЛ. В 1924 — досрочно освобожден, в 1925 — пострижен в монашество с именем Аркадий; служил в храме Житомира, с 1926 — архимандрит. С 15 сентября 1926 — епископ Лубенский, викарий Полтавской епархии. В октябре 1926 — арестован и выслан в Харьков; из ссылки бежал, тайно жил в Новом Афоне на Кавказе, с 1928 — в Киеве. В мае приехал в Москву, 9 мая явился в ОГПУ для объяснений, был арестован, 23 июля приговорен к 5 годам ИТЛ и отправлен в Соловецкий лагерь.

материальных трудностей, но, несмотря на это, в душе моей сохраняются самое светлое воспоминание об этом периоде моей жизни: здесь прошел я большую школу духовной и практической жизни. Несмотря на то, что мы тщательно были отделены от людей и лишены элементарных удобств культурной жизни, наша жизнь была ключом. Поселившись на Троицкой, мы сразу же поставили перед собой решение главной нашей проблемы: сможем ли мы совершать святую Жертву и где? Проблема казалась в наших условиях неразрешимой: не было подходящего места. Поместили нас на чердаке в маленькой комнатке. Нас было 20 человек, спустя некоторое время — 23, а комната была длиной — 4,3 метра, шириной — около 2,8 метров, а высотой — 2,1 метра. Часть из нас спала на полу, часть — на нарах, на высоте около метра от пола: положительно как селедки в бочке. К вполне понятному для каждого из нас прискорбию с нами были два благородных, но все же посторонних человека — православный епископ и священник-самосвят, о котором я уже вспоминал. Хотя они впоследствии и узнали, что мы служили святую литургию, но в их присутствии мы никогда не делали этого. Если бы их не было с нами, мы несомненно совершали бы богослужения в нашей комнатке, но при них, повторяю, не решались.

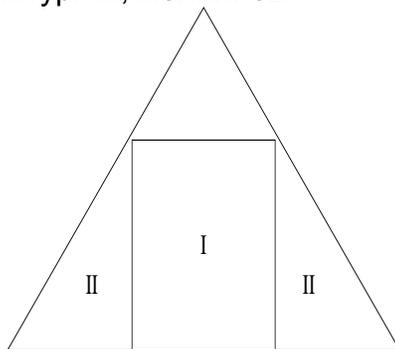
И вот мы ломали голову над приисканием удобного места. Больше всех, как мне казалось, думали об этом преосвященный Болеслав, отец Экзарх, отец Павел Хомич, отец Николай Александров, отец Потапий Емельянов. Думали и просили Господа надоумить нас. И вот однажды кому-то из нас пришла в голову мысль, не попробовать ли молиться в лесу, или вернее в довольно густых березовых зарослях, начинавшихся у самых наших барачков. Отец Потапий, отец Николай и я углубились в этот лесок на разведку. В лесу, как на всем Анзере, довольно много камней разной величины. Невольно думали, не устроиться ли нам на камне. К нашему огорчению долго не встречали удобного камня. Но вдруг, о счастье, перед нами как будто достаточно удобный камень, и даже очень удобный, если приподнять один его бок. Но мешает меньший величины камень, лежащий перед самым заветным камнем. "Да мы его удалим", — решительно говорит отец Потапий. Решили приподнять бок большого камня, а меньший передвинуть к левой стороне большого камня и пользоваться им, как жертвенником при восточном богослужении. И вот мы принялись за работу. Если бы с нами не было бы усердного и доброго отца Потапия, мы не справились бы с меньшим камнем, не смогли бы поднять его из глубокой ямы, в которой он сидел, не передвинули бы его к левой сторону будущего алтаря, как было нами решено. Отец Потапий отличался большой физической силой и сноровкой в работе. Обильный пот был свидетелем нашего усердия. Работая, мы не забывали, что находимся на Соловках, и посматривали по сторонам, не наблюдает ли кто за нами. С первого взгляда наша операция могла показаться со стороны очень странной и загадочной. Но, слава Богу, все прошло удачно и благополучно. Окончив работу, мы стояли, смотрели на эти камни и наслаждались чудесной обстановкой, заранее предвкушая, как это будет прекрасно, когда и здесь на Анзере, о котором ходила тоже дурная слава среди заключенных, вознесена будет к престолу Всевышнего священническая молитва, и принесена великая Жертва. О результате наших изысканий и устройстве алтаря мы сообщили радостно нашему великому молитвеннику преосвященному Болеславу. <К невыразимому нашему счастью> Владыка не только одобрил наши работы, но и согласился первый отслужить на нашем камне обедню. Он <Владыка> служил эту обедню в том

же белом орнате, в котором посвящал меня. Если бы я был поэтом, я написал бы чудесное стихотворение по поводу этого нашего торжества. Помню, я не мог без слез смотреть, как Владыка, тоже, видимо, растроганный, служил нашу лесную литургию. И я совершил службу Божию на этом камне с большим внутренним подъемом.

Никогда не забуду одного факта. Быть может, это чистая фантазия. Не возражаю. Во время служения мною святой литургии на ветке березки, которая свешивалась над самым камнем, несколько раз садились какие-то маленькие птички. Спокойно садились, щебетали и снова улетали. Одна такая птичка расположилась на ветке около меня незадолго до момента пресуществления⁸⁴. Сидела и время от времени чирикала. Но во время произнесения мною великих слов таинства, она замолкла и внимательно смотрела на алтарь. После пресуществления она вспорхнула и улетела. Повторяю, быть может, это моя фантазия, но эту птичку я припоминаю часто.

На этом алтаре служил отец Николай и отец Павел. Но служить на камне можно было только в тихую погоду. При ветре это было опасно.

Вскоре кому-то из наших отцов пришла мысль — совершать литургии под самой крышей чердака. Но было одно большое неудобство: нельзя было выпрямиться во весь рост, а только устроится на коленях. Мы так и сделали. Ставили перед собой на полу несколько чемоданов, покрывали салфеткой, зажигали одну стеариновую свечу, и стоя на коленях в одной и той же позиции в течении целой литургии, молились.

Вот план нашего помещения:

I — это комнатка, где мы жили,

II — две боковушки под крышей, в которых служились литургии. Причем в правой половине служили сразу двое, делая с помощью плаща или пальто завесу, так что получались два отделеньица. Молившийся в конце боковушки мог выйти только тогда, разумеется, когда выходил ближайший к выходу. Самый выход завешен был специальной драпировкой. И так одновременно могли служить трое.

Ежедневно служило немало отцов. Я старался служить ежедневно. Главное затруднение, которое сдерживало рвение наших отцов, это был недостаток вина. С центрального острова привезли мы на Анзер ничтожное количество вина. Для обеспечения нашей коммуны вином приходилось прилагать особые усилия. В этом направлении мне удалось порядочно помочь нашей коммуны. Еще осенью 28 года, пользуясь знакомством с вольными монахами, я просил их привезти из Архангельска 6 бутылок красного вина ("Бургонь № 6"). Уехав 11 июня 29 года на Анзер, я оставил у монахов несколько бутылок этого вина. Переправить это вино на Анзер — не

⁸⁴

— богословское понятие, используемое для объяснения смысла превращения в таинстве Евхаристии хлеба и вина в Тело и Кровь Христа.

легкая была задача, так как на пристанях Ребольды и Кинги всегда можно было ожидать обысков. Но также трудно было получить отпуск с Анзера на главный остров. Только меньшую часть этого вина удалось и то с большими трудностями и риском переправить на Анзер. Большая часть вина пропала или по небрежности тех, кого я просил нелегально перевести его к нам, или благодаря соловецким условиям жизни. Для иллюстрации приведу два примера.

Среди поморов, которые перевозили пассажиров с острова на остров был мой знакомый, очень солидный человек; я решил воспользоваться его услугой и просил, чтобы он сам переправил бутылку вина из Ребольды на Анзер. Обыкновенно у поморов обыски не делались. Он согласился. Получив в Кремле вино, я отправился с ним в Ребольду и спрятал его в лесу в одном километре от Ребольды. Мой знакомый без труда нашел в лесу бутылку и незаметно принес ее домой. Все шло гладко. Вино спрятано было в комнате в сундучке. Но кто-то из его сослуживцев случайно увидел эту бутылку. Думая, что мой знакомый добыл вино для себя, он в шутку сказал об этом компании поморов, которые очень любили выпить, и вина не стало.

Во втором случае было так. На острове Анзере очень крупное место занимал бывший казачий полковник Б. Федьков (в 1930 году невинно расстрелян). Он очень хорошо относился к нашей группе. Я попросил его, когда он поехал с Анзера в Кремль, получить в указанном месте бутылку вина и привезти ее мне. Он охотно согласился помочь нам. Все шло вполне благополучно. Но снова в Ребольде произошло несчастье. Начальник острова Анзер, агент ГПУ, с которым Федьков вместе возвращался из Кремля, как-то случайно увидел в вещах Федькова завернутую в бумагу бутылку. Поглядывая с улыбкой на бутылку, он спросил Федькова: "Добыли побаловаться? Угостите!" Сказать тому, что это не его вино, значило подвергнуть себя большой опасности, и ему пришлось согласиться выпить с тем и эту злосчастную бутылку.

В посылках родственники и друзья по-прежнему посылали нам церковное вино, но агенты ИСО, просматривая при вызове эти посылки, конфисковывали вино, как запрещенный уже предмет. И вот мы решили расположить к себе следователя, который летом 30 года выдавал нам посылки. Однажды я сделал к нему визит и попросил выдавать нам вино, присылаемое в посылках. Он сделал вид, что моя просьба возмутила его, и грубо сказал мне: "Не хотите ли, чтобы я потакал служению ваших обеден?" Через некоторое время отец Иванов и я получили посылки. Оказалось, вино. Я спросил его, — присутствовали при этом и другие заключенные, — нельзя ли выдать нам вино. Он ответил: "Не полагается. Придите ко мне на квартиру, я выдам вам расписку в отобрании у вас вина". Мы пришли. Он начал писать расписку. Но мы его еще раз попросили выдать нам вино. Тогда он встал, нервно прошелся по комнате, и, сев за другим столом, сказал добродушно, в русском стиле: "Что же, ребята, думаете, что мне жалко, что вы служите обедню? Берите вино. Но помните, чтобы мне не было неприятностей". — "Будьте спокойны, мы не подведем". — "Да, я знаю ксендзов".

На другой день, по поручению старосты нашей коммуны, я пошел к этому следователю еще раз, отнес некоторый подарок, и мы заключили с ним деловое отношение. Впоследствии этот следователь сделал нам много хорошего. Не только пропускал вино и религиозные книги, но и предупреждал об обысках. Однажды и сам прибыл на такой предупрежденный обыск, и

когда его помощники начали делать обыск в том месте, где у нас действительно в секретных местах были спрятаны религиозные книжки и богослужебные предметы, словно предчувствуя (а, может быть, и зная), что нам угрожает беда, он очень ловко удалил их оттуда. После отъезда с Анзера этого следователя нам удалось заключить деловое соглашение и с его преемником. Но этого последнего сменил такой следователь, с которым, как сразу мы поняли, невозможно было заключить подобного соглашения, который действительно причинил нам немало неприятностей.

Снова наши богослужения стали под угрозой прекращения за недостатком вина. Но Господь вновь помог. Кто-то из отцов, кажется, отец Версоцкий, обратил внимание, что в курсе богословия Танкереев указан рецепт, как делать вино из изюма. Но злой рок преследовал нас. Очень трудно было достать изюм. Через мою жену просили мы наших знакомых, вольных граждан присылать нам изюм. Но в 30 году получили очень мало, так как и на воле трудно было доставать изюм. Осенью 31 года только я один получил от моей сестры 4 килограмма изюма. Это была порция, которой должно было хватить нам по крайней мере с декабря 31 года по июнь 32. И действительно хватило.

Тот изюм, который я получал в посылках, я сдавал целиком в нашу священническую коммуну, причем, сам не получал приходящейся на долю каждого члена коммуны порции, так как, прилагая много личных усилий, я добывал для себя изюм на самом острове. Это связано было со многими хлопотами и трудностями, но я, как молодой священник, стремился к тому, чтобы по возможности ежедневно совершать святую обедню, чего не мог бы позволить себе, если бы пользовался только общей порцией вина. Этого добываемого мною лично вина хватало не только для меня самого, но я снабжал вином своих восточных коллег и тех моих западных братьев, с которыми я имел специальные интенции, и которые усиленно старались ежедневно служить святую литургию. Это были отцы Александров, Емельянов, Батманишвили, Хомич, Матулянис, Пашкевич, Шавдинис, Юревич⁸⁵.

С 31 года, по инициативе ксендза Хомича, 7 священников (5 западных и 2 восточных) решили совершать обедни со специальной интенцией удовлетворения Господу Богу за все совершаемое в России зло и об обращении русского народа. Каждый из этих семи священников имел свой день недели: ксендз Пашкевич — понедельник, я — вторник, Янковский⁸⁶ — среда, Матулянис — пятница, отец Батманишвили — суббота, ксендз

⁸⁵ **Юревич** Болеслав Казимирович, родился в 1887 в селе Горбачево-Обытоки Полоцкого уезда Витебской губ. Получил среднее (?) образование, с 1908 — служил чиновником на Северо-Западной железной дороге, в 1924 — судим за взяточничество. Окончил нелегальную духовную семинарию в Ленинграде и в 1926 — тайно рукоположен. 15 августа 1929 — арестован, 13 сентября 1930 — приговорен к 10 годам ИТЛ и отправлен в Соловецкий лагерь. В 1931 — переведен на остров Анзер.

⁸⁶ **Янковский** Роман Владиславович, родился в 1888 в Винницкой губ. Окончил 2 класса училища и экстерном гимназию; работал в аптеке в Проскурове, после сдачи экзаменов — провизором там. В 1915 — окончил духовную семинарию и был рукоположен, служил в храме в Брацлаве, с 1917 — в Луцке, позднее — в Умани, с июля 1920 — в Житомире, с 1921 — в селе Трояново под Житомиром. 5 июня 1925 — арестован, но вскоре освобожден. С ноября 1926 — служил в Бердичеве. 10 апреля 1927 — арестован, 29-30 сентября приговорен к 9 годам ИТЛ, по амнистии приговор был снижен до 6 лет, летом 1930 — отправлен в Соловецкий лагерь, осенью переведен на остров Анзер.

Лукьянин⁸⁷ — воскресенье. Членов этой семерки я старался снабдить вином, насколько мог. В 30-32 годах я испытывал чувство глубокого удовлетворения, что мог своими стараниями добывать вино и тем способствовать совершению не одной тысячи святой литургии.

На чердаке мы совершали богослужения приблизительно до октября 30 года, так как в это время нас перевели из этого барака, называвшегося третьим, во второй. В нем мы решили избрать местом богослужений чердак над комнатой, где мы жили. На этом чердаке мы разместили наши вещи и расставили их так, что в любую минуту к нашим услугам было 4 алтаря (из наших корзин и сундуков). В той части чердака, где мы служили, было совсем темно, зимой было настолько холодно, что коченели пальцы, особенно у нас, восточников; единственным преимуществом перед предыдущим местом наших молитв было лишь то, что мы могли здесь стоять во весь рост. Итак, снова Господь нам помог чудесно устроиться. По-прежнему в праздничные дни начинали мы служить в 12 часов ночи, так как только в этом случае все наши отцы могли окончить богослужение к 7 часам утра, то есть к началу движения в лагерях. Вся беда была в том, что западные отцы имели только 2 миссала, а потому нельзя было служить сразу троим.

ИСО чувствовало (а, может быть, и знало), что мы совершаем святые обеды и имеем религиозную литературу. Поэтому оно, во-первых, следило за нами, навещая нас по ночам, а в большие праздники эти визиты повторялась так часто, иногда в течении одного часа по несколько раз. Приходили и пересчитывали спящих, чтобы убедиться, что все мы на своих постелях. И всегда уходили довольными результатом своей инспекции. А между тем двое или трое из нас были на чердаке и с замирающим сердцем совершали святую литургию. Уходя ночью из комнаты на чердак, каждый из нас старался так покрыть свою постель, чтобы казалось, будто на постели спит человек, закутавшийся целиком в свое одеяло. Никогда никто не заметил "фальсификацию". Мы были дерзки и не останавливались перед риском, но никогда по милости Божией не были наказаны за подобную смелость.

Во-вторых, желая лишить нас нелегально хранимых книг и богослужебных предметов, ИСО устраивало у нас обыски. Иногда, как я упоминал выше, мы заранее знали о намерении ИСО. Но кроме того мы ежедневно готовились к приезду неприятных "гостей". Наши подготовки выражались в том, что ежедневно после совершения обеден, мы прятали все богослужебные предметы в более или менее надежные места. Например, я завертывал свою маленькую чашу, такой же дискос и лжицу в тряпочку и бумажку и закапывал их в песок на чердаке, подальше от любопытных глаз, или — в третьем бараке — имел удобные секретки под полом и тому подобное. Это ежедневное бодрствование утомляло нервы.

Иногда хотелось отказаться от всякой конспирации и предаться на волю судеб, но это бывало только минутное колебание. Во время обысков на

⁸⁷ Лукьянин Иосиф Станиславович, родился в 1888 в Витебской губ. Окончил духовную семинарию, в 1914 — был рукоположен. Служил викарием прихода в Пинске, с 1915 — капеллан Наддунайской армии в Бессарабии, с 1917 — администратор прихода в селе Рудня-Шагино под Гомелем, позднее — викарий прихода в Полоцке. 7 августа 1922 — арестован, 3-4 сентября 1923 — на судебном процессе оправдан. В 1925 — вновь арестован, вскоре освобожден по болезни. Выехал на лечение в Ленинград, позднее служил там. С сентября 1927 — настоятель прихода в Чаусах, посещал также другие приходы Могилевской области. 17 августа 1928 — арестован, 13 марта 1930 — приговорен к 10 годам ИТЛ, в июне вывезен в Соловецкий лагерь, в октябре 1931 — отправлен на остров Анзер.

Анзере власти обыкновенно хоть что-нибудь находили у нас — книжки, личные заметки, но не богослужебные предметы. Однажды, когда прибыли к нам для обыска следователи, латыши Солдат и Озалин, мы застигнуты были врасплох. В нашем жилом помещении нашли они и забрали много религиозной литературы, это был большой удар для нас. Но наверху на чердаке предстоял страшный разгром: в тот день почему-то не были спрятаны наши богослужебные предметы. Мы переживали неприятные минуты. Закончив обыск внизу, следователи отправились на чердак, но предварительно предложили, чтобы с ними направились представители от нашей группы (наверху были, между прочим, наши коммунальные продукты). Немедленно ксендз Буяльский и я поспешили на чердак. Стараясь быть необыкновенно услужливыми и подсовывая им для осмотра разные чемоданы и корзины, мы незаметно, прикрываясь нашей суетней, сделали свое дело: ксендз Буяльский постепенно передвинул ящик с западными богослужебными предметами в такое место, куда можно было заглянуть только простершись на грязном песке, я деликатно вынул из своего чемодана необыкновенную ценность — полную бутылку вина, спрятал ее в карман брюк и, получив разрешение на минутку отлучиться вниз, передал вино коллегам, затем, вернувшись на чердак, продолжал свои операции: постепенно доставал из сундука разные богослужебные предметы и осторожно забрасывал в разные недоступные места, не успел только спрятать Апостольские чтения. Но все главное, слава Богу, было спасено, и следователи не обнаружили у нас признаков нелегального совершения богослужений.

Но все же, как впоследствии я почти убедился, ИСО было точно уверено и даже знало, что мы совершали богослужения. Один из следователей выразил очень лестную для нас сентенцию: "Где ксендз — там обедня".

В виду нараставшего кризиса с вином мы еще в 30 году, то есть при Владыке Болеславе устроили настоящее богословское совещание и дебатировали над тем, какой должен быть минимум вина для совершения обедни. Было решено, что этот минимум — 6-8 капель вина при одной капле воды. Впоследствии некоторые находили, что можно брать и 4 капли вина, но зато употреблять только часть капли воды. Я лично употреблял 8-10-12 капель вина, как самый богатый винодел.

В 31 году произошла некоторая трагедия. Нас переселили в первый барак, это было наиболее культурное помещение, но в нем невозможно было совершать богослужение, так как с нами поселили секретного сотрудника ИСО (Адама Хаецкого), и рисковать нельзя было. Вещи наши, которых, кстати сказать, было у нас много, были помещены по распоряжению администрации в таком месте, где тоже нельзя было молиться. И вот перед нами стала задача: добиться, чтобы власти разрешили нам поместить вещи на чердаке второго барака, где мы до этого совершали богослужения. Недели через 2-3 (если не ошибаюсь) мы снова водворились на наш милый чердак и очень осторожно начали там молиться. Осторожно, потому что внизу жили посторонние люди, а одно время даже наше начальство, так называемые — стрелки.

Во все вышеуказанные периоды бывали времена, когда благоразумие диктовало нам совершенно прекращать богослужения, чтобы не потерять раз навсегда исключительную милость Божию. Очень дорожа возможностью служить святую обедню, мы скрывали это от светских католиков, знали об этом только наши сестры и еще 2-3 католика, которых мы знали с самой

лучшей стороны. Впрочем, об одном из них, юноше, появились у некоторых из нас недобрые подозрения. Как рискованно было полагаться в этом вопросе на свои добрые суждения о ближнем, подтверждает случай с ксендзом Матулянисом. Приблизительно осенью 31 года прибыл на командировку Троицкую заключенный Тадеуш Ходыняк, арестованный в Ленинграде за свое ревностное, как он говорил, отношение к церковным делам и к католическому духовенству. Ксендз каноник Матулянис, идеальный во всех отношениях священник, сочувствуя Ходыняку, как заключенному и католику, и желая, как пастырь, напитать его душу хлебом небесным, решил перед праздником святой Пасхи не только исповедать его, но и преподать ему таинство Святого Причастия. Сделал он это так конспиративно, что даже я, один из близких его друзей, которые всегда делились между собой секретами, связанными с жизнью нашей группы, не знал об этом. И что же оказалось? На допросе после ареста всей нашей коммуны на Соловках в июле 32 года следователь, допрашивавший ксендза Матуляниса, знал об этом случае. Уже перед нашим арестом в июле многие из нас имели достаточно ясное представление о роли Т. Ходыняка.

Точно также большой и живо интересующей меня загадкой является тот факт, что ИСО узнало об исповеди одной нашей доброй католички, Станиславы Панкевич⁸⁸, которая исповедовалась в совершенно секретной обстановке.

Но к делу.

Осенью 31 года мы снова переведены были в третий барак. Но помещались не в чердачной комнате, а внизу в жилой комнате. Наверху же, где мы когда-то жили, были сложены наши вещи. В этой чердачной комнате, а не в прочих боковушках, как когда-то, служили мы святую литургию до самого последнего дня ареста 5 июля 32 года. Все было <...>⁸⁹.

Я спешил поскорее водвориться в лазарет, так как знал, что начальник ИСО распорядился поскорее отправить нас из Кремля на Анзер.

На другой день утром, то есть 18 ноября ксендзы Ашеберг⁹⁰ и (Викентий) Дейнис отправлены были на Анзер. Отец Потапий очень обрадовался, когда узнал, что я в лазарете. Вскоре наш дорогой ксендз Феликс⁹¹ был одет. Один из моих помощников достал для него брюки. Лазаретная администрация разрешила после вскрытия взять все нужное для покойника из его вещей. Отец Потапий, не дурной портной, сшил из полотенца столу и химическим карандашом поставил на ней крестики. Благодаря знакомствам, оба мы прошли, уже после вскрытия покойника, в мертвецкую, помолились у гроба, благословили и собственноручно заколотили крышку гроба. Не забуду выражения лица ксендза Феликса в гробу. На лице его была легкая улыбка. Это не фантазия. Как бы благодарил нас за заботы и прежде всего за исповедь, отпевание и столу.

⁸⁸ **Панкевич** Станислава Станиславовна. Проживала в Макеевке Донецкой области, была экономкой у священника Эжена Нева, с 1926 — после его отъезда в Москву у священника Давида Майана. 26 марта 1928 — арестована в Макеевке. 3 января 1929 — приговорена к 10 годам ИТЛ и отправлена в Соловецкий лагерь.

⁸⁹ Пропущен фрагмент воспоминаний.

⁹⁰ **Ашеберг** Павел Петрович, родился в 1895 в Одесской губ. Учился в Саратовской духовной семинарии, в 1918 — окончил ее в Одессе, в 1919 — был рукоположен. Служил настоятелем прихода в Одессе. В 1925 — арестован и выслан на 2 года; в 1927 — освобожден, служил в селе Ямбург, затем — в Одессе. В начале 1929 — арестован, 24 января приговорен к 3 годам ИТЛ и отправлен в Соловецкий лагерь.

⁹¹ **Любчинский** Феликс Николаевич скончался в лазарете Кремля 17 ноября 1931 года.

Уже после операции я прошел с заведующим мертвецкой на кладбище и там помолился и благословил могилу моего незабвенного друга. Моя операция оказалась неудачной, и 4 января 32 года я снова прислан был в госпиталь для повторной операции. Обе операции были довольно мучительны.

Я записал историю похорон ксендза Феликса Любчинского, чтобы показать наглядно, какие необыкновенные трудности приходилось нам испытывать и к какими средствам прибегать, чтобы в Соловецкой действительности отдать ближнему последний долг — похоронить его по-христиански и по-человечески вообще.

5 июля 32 года, как я уже вспоминал, вся наша группа, правда, частями, была вывезена с острова Анзера. Наши богослужебные предметы пришлось оставить на этом острове, зарыв их в землю у колодца близ моря.

Возможно, что на Анзере католические священники уже не совершают святой Литургии, хотя туда снова посланы три благородных и сильных мужа — ксендз Витольд Пашкевич, ксендз Адольф Филипп и ксендз Петр Барановский. Но если эти и другие соловецкие священники не славят теперь Господа литургически, я знаю точно, что славят они Его своими добровольно и радостно переносимыми страданиями. Я боюсь утверждать, но думаю, что с 1925 года и до 5 июля 32 года стремясь совершать святые литургии и делать литургическую жизнь на Соловках центром нашего служения Богу. Мы поступали по вере. Хочу думать, что и теперь наши братья-союзники делают то, что указывает им Господь, т.е. живут по вере. А в том и заключается сила истинного католического духа, который никогда и нигде не поддастся духу времени, не творит воли сильных мира сего, но старается быть послушным Божиим велениям и служить Ему так, как Сам Он этого хочет.

Оставшиеся на Соловках братья наши и теперь соединяют свои молитвы с нашими, повторяя вместе с нами: "Благослови, душе моя, Господа, и вся внутренняя моя, Имя святое Его. Благослови, душе моя, Господа, и не забывай всех воздаяний Его".

Так дорого сознавать, что всегда, везде и во всех обстоятельствах душа христианина может с помощью всегда даваемой и всегда достаточной благодати — петь славу Троициному Богу, петь от всего сердца даже на страшных Соловецких островах, помня, что всегда может повторяться то высокое сознание, которое выразил так ярко и сильно псалмопевец Давид: "Если я пойду и долиною смертной тени, не убоюсь зла, потому, что Ты со мною".

Эти воспоминания о богослужениях на Соловках, равно как и предыдущие мои записки представляют из себя весьма сырой материал.

В настоящее время не имею возможности представить более стройного и проработанного во всех отношениях материала.